

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

У истоков модернизации:
Россия на европейском
фоне (доклад второй)

Препринт М-31/13

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2013

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
Т 65

Травин Д. Я.

Т 65 У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад второй) / Дмитрий Травин : Препринт М-31/13. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 64 с. — (Серия препринтов; М-31/13; Центр исследований модернизации).

Доклад является продолжением сделанного в 2010 г. доклада: Д. Травин. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (препринт М-19/10). В данном тексте дается сравнительный анализ России и Европы на ранней стадии модернизации. Анализируется процесс становления городов, ремесла, торговли, кредитной сферы. Прослеживаются основные хозяйственные связи между ведущими экономическими центрами. Автор приходит к заключению о неравномерности развития европейских регионов и о слабой вовлеченности, по объективным причинам, русских земель в европейские экономические процессы, что обусловило низкий уровень монетизации даже в таких ведущих центрах, как Новгород и Псков. Выводы, следующие из этого заключения, будут представлены в дальнейших докладах автора для семинаров М-центра.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПБ); dtravin61@mail.ru.

Прекращение в X–XI веках разрушительных набегов на Европу, о которых говорилось в предыдущем докладе, являлось необходимым, но не достаточным условием для нормального развития. По всей видимости, мы не можем объяснять формирование бизнеса, укрепление и увеличение численности городов, рост благосостояния, активизацию строительной деятельности и возникновение широкого платежеспособного спроса на предметы искусства лишь тем, что викинги, арабы и венгры перестали «потрошить» «богатеньких» оседлых европейцев. Прекращение набегов создало благоприятные условия для развития во всех регионах Европы, кроме востока, столкнувшегося с монгольской (преимущественно русские земли) и турецкой (преимущественно Балканы) агрессией. Однако деловая активность, урбанизация и культурный прогресс первых веков второго тысячелетия нашей эры пришлось в основном на североитальянские земли, что заставляет предположить наличие там особых факторов, стимулировавших развитие.

Итальянский прорыв

Достаточно взглянуть на культурные успехи итальянского ренессанса, чтобы задуматься о том, насколько пять-шесть городов Апеннинского полуострова в эту эпоху качественным образом отличались практически от всей остальной Европы. Но есть и объективные показатели, демонстрирующие данное различие. При отсутствии в те давние времена достоверных данных о темпах экономического роста и роста реальных доходов масштабы изменений лучше всего проследить по соотношению численности населения городов. Ведь если где-то появляются «мегаполисы», значит, там есть какой-то бизнес, позволяющий прокормить большое число людей.

К началу XIV века в Европе имелось 11 городов с населением, достигшим 50 тыс. человек. Шесть из них приходились на Северную Италию: Венеция, Флоренция, Милан, Болонья, Генуя, Сиена. Причем первые три из них заметно оторвались по численности горожан от всех остальных (за исключением, возможно, Парижа, относительно которого имеются разные оценки). Все шесть североитальянских городов сформировались как коммерческие центры. Среди других коммерческих центров Европы лишь Гент во Фландрии достиг 50-тысячной отметки. Остальные города — Париж, Лондон, Палермо и Кордова, отвоеванная кастильцами у арабов, — в какой-то степени были обязаны своей населенностью коммерческой деятельности, еще больше — столичному статусу, при котором деньги и люди стекаются ко двору монарха [Ле Гофф (2007), с. 159–160; Лахман (2010), с. 104].

Таким образом, приоритет Северной Италии в плане развития бизнеса и урбанизации вряд ли можно оспорить даже на фоне Фландрии, немецких ганзейских городов, а также рейнских и южно-германских коммерческих центров. Но почему же все-таки возвысился именно этот регион?

Трудно согласиться с идущей еще от Франсуа Гизо трактовкой проблемы, согласно которой развитие итальянских городов было производной от римского наследия. Знаменитый французский историк полагал, что сохранившееся, несмотря на нашествия варваров, муниципальное устройство античных времен делало города сильными, а потому дворяне должны были с ними считаться. В конечном счете это обусловило коммунальные свободы, что, в свою очередь, очевидно, способствовало быстрому экономическому росту [Гизо (2007), с. 232–233].

В этой теоретической конструкции остается неясно, почему юг Италии, где римское наследие было очевидным, так отстал от севера и даже от многих заальпийских регионов, в том числе тех, которые вообще находились за границей древней империи. Неясно и то, почему Рим — центр античной «вселенной» — долгое время отставал от других городов, и в частности от Венеции, которая вообще возникла лишь через 20 лет после нашествия Алариха [Norwich (2003), p. 4–5].

В русле «римской теории» лежит и концепция крупного современного российского исследователя Леонида Васильева, обращающего внимание на унаследованное от Рима уважение к закону, на то, что античная культура обусловила трансформацию варваров, которая народы в целом и королей в частности вынудила подчиняться нормам права [Васильев (2007), с. 245–249, 260–261, 328].

Сильное влияние античности в целом не вызывает сомнений, однако, на наш взгляд, не следует переоценивать степень уважения к праву на ранних стадиях развития средневековой Европы. Кроме того, «римская теория» не

объясняет, почему в одних регионах насилия по отношению к гражданам и их собственности было больше, а в других меньше.

Вряд ли подойдут в качестве объяснения проблемы и этнические факторы, с которыми иногда приходится сталкиваться. Вернер Зомбарт считал, что флорентийцы (наряду с шотландцами и евреями) имели особые склонности к купеческой деятельности и именно у них каким-то образом формировался предпринимательский дух [Зомбарт (1994), с. 78–82]. Увы, при таком объяснении остается неясно, чем, скажем, генуэзский или венецианский дух хуже флорентийского.

Возможно, специфика взглядов Зомбарта определялась тем, что в начале XX века одни народы представлялись по определению цивилизованными, тогда как другие — безнадежно отставшими. Однако с тех пор многие «отсталые» обошли в экономическом развитии лидеров прошлого, а значит, природное «духообразующее» состояние вряд ли можно считать важным фактором успеха.

Анализ диалектики производительных сил и производственных отношений тоже не помогает нам в случае с быстрым развитием городов Северной Италии. Карл Маркс вообще игнорирует данную проблему. Исторический анализ в первом томе «Капитала» начинается с Англии последней трети XV столетия, а не с Италии X–XI веков. Торговый и ростовщический капитал для Маркса есть всего лишь элемент феодализма. Генезис промышленного капиталиста начинается с экспроприации земельной собственности, дифференциации крестьянства и формирования пролетариата. Лишь здесь закручивается интрига, поскольку при таких условиях деньги купцов и ростовщиков инвестируются в производство [Маркс (1978), с. 725–773]. Проблемы кредита при докапиталистических производственных отношениях Маркс затрагивает в третьем томе «Капитала», но там его интересуют лишь различия между ростовщичеством и банковской деятельностью, в том числе применительно к Венеции и Генуе [Маркс (1975), с. 648–668].

Поскольку исследование успехов капитализма Маркс осуществлял лишь для того, чтобы подобраться к вопросу о его будущей гибели, анализ региональных особенностей модернизации представлялся излишним. Но если мы хотим понять, как разные страны встраиваются в прогрессирующую капиталистическую систему, нам придется обращать внимание на многие «частности».

Наиболее плодотворным из предложенных наукой методологических подходов представляется подход Макса Вебера, отмечавшего роль рационализации жизни. «В конце концов, — писал он, — создателями капитализма были: рационально построенное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование об-

раза жизни, рациональную хозяйственную этику» [Вебер (2001), с. 320]. Проблема, однако, в том, что разъясняя свою мысль, высказанную в «Истории хозяйства», Вебер приводит знаменитые рассуждения о роли протестантской этики, что, по понятным причинам, не может иметь отношения к хозяйственному прогрессу, имевшему место до начала XVI столетия.

Таким образом, тезис о роли рационализации нуждается в уточнении применительно к раннему этапу развития европейской экономики. Для того чтобы сделать это уточнение, нам надо вначале взглянуть на объективные условия развития Северной Италии. Думается, реальные причины успеха ряда городов определяются конкретными историческими событиями, повлиявшими на данный регион, а также его специфическим географическим положением, чрезвычайно удобным для развития бизнеса в эпоху примитивных коммуникаций средневековья.

Первый фактор успеха — это длительное противостояние германских императоров и римских пап в борьбе за контроль над Италией [см., напр.: Вис (2005); Грегоровиус (2008); Флекенштейн и др. (2008); Рапп (2009)]. Противостояние это не смогло привести к окончательной победе ни одной из сторон, но как Святой престол, так и Империя активно вербовали себе союзников на той территории, которая стала ареной интенсивной борьбы. Итальянские горожане разделились в итоге на гвельфов, поддерживавших папу, и гибеллинов, поддерживавших императора. Это не только обостряло внутривластное положение во многих городах [см., напр.: Макьявелли (1987), с. 33], но также создавало пространство для маневра в экономической области.

Никколо Макиавелли в своей «Истории Флоренции» описал интересную ситуацию. «Когда папой стал Бенедикт XII, он... решил приобрести дружбу всех, кто захватил владения, ранее принадлежавшие империи, дабы они помогли ему в защите Италии от посягательств императора. Вот он и издал указ, по которому все тираны, захватившие в Ломбардии города, объявлялись законными государями. <...> Император, видя, с какой щедростью папа распоряжается имуществом империи, не пожелал уступать ему в тароватости и тотчас же объявил всех узурпаторов церковных земель их законными владельцами» [Макьявелли (1987), с. 41–42].

Понятно, что при таком подходе соперничающих друг с другом сил правители в Италии оказывались значительно более самостоятельными, нежели в других уголках средневековой Европы. Известный историк Якоб Бурхардт, заметив это, сформулировал даже тезис о ренессансном государстве как произведении искусства [Бурхардт (1996), с. 15] в том смысле, что его правители получили возможность, выйдя из-под давления «властной вертикали», строить свои действия по обустройству владений на рациональном расчете.

Для нас в данном случае важно, что относительно самостоятельными оказывались не только отдельные правители скромных местечек вроде Галеотто Малатеста из Римини или Антонио Монтефельтро из Урбино. Самостоятельность обрели крупные торгово-ремесленные города, которые в случае доминирования одной из сторон — папы или императора — оказались бы просто бессильными объектами непрерывных денежных поборов. Возможно даже, что города, как полагают Д. Коцюбинский и Ю. Малинин, сознательно ориентировались на тот политико-правовой образец отстаивания прав, который давали им феодалы, противостоявшие своим сеньорам [Коцюбинский, Малинин (1994), с. 29–30].

При характерном для Средних веков отсутствии защиты прав собственности монархи могли при необходимости использовать любых обладателей богатства в качестве дойных коров. Какое бы покровительство ни оказывали они своим городам, богатства и свободы бюргеров ценились лишь в той степени, в какой помогали укреплению престола и материальному обеспечению войн с соседями. Французские, английские или испанские бюргеры не имели возможности вести по всей Европе дела в тех масштабах, которые были характерны для венецианцев, генуэзцев и флорентийцев. В какой-то степени имели шанс на такое развитие южно-итальянские, южно-французские и каталонские города, однако политика Фридриха II Гогенштауфена, альбигойские войны и действия арагонских королей заметно снизили возможности для экономического роста.

Североитальянские города, хотя тоже время от времени подвергались наездам властителей, всегда имели возможность перебежать на сторону противника, а потому как папы, так и императоры должны были считаться с долговременными интересами бюргеров. Кроме того, в острой, кровопролитной, дорогостоящей борьбе двух сторон и у пап, и у императоров просто не хватало сил на то, чтобы полностью подчинять себе города.

В итоге, скажем, Флоренция сразу после смерти Фридриха II (1250 г.) смогла создать систему народного самоуправления, заложившую основы ее дальнейшего экономического развития [Макьявелли (1987), с. 56; Гукровский (1990), с. 54]. А Венеция, чрезвычайно выгодно расположенная на острове и обладающая могущественным флотом, оказалась в принципе недоступна ни для одной силы, которая хотела бы установить над ней контроль. Она маневрировала между Римом, Германией и Византией, причем Константинополь в благодарность за поддержку венецианского флота давал порой дополнительные торговые привилегии. А когда сформировалась Ломбардская лига североитальянских городов для борьбы против императора Фридриха Барбароссы и тот в 1176 г. потерпел сокрушительное поражение при Леньяно, самостоятельность Венеции стала практически абсолютной [Norwich (2003), p. 97, 103, 112–117; Опль (2010), с. 100–126, 177]. Более

того, по Констанцскому миру 1183 г., Фридрих торжественно признал коммунальные свободы североитальянских городов в целом [Сказкин и др. (1970), с. 231].

Впрочем, относительная свобода и возможность сохранить накопленные богатства сами по себе еще не обеспечивают процветания. Богатства ведь надо из чего-то создать. **Вторым фактором успеха для североитальянских городов (особенно приморских) стала возможность ведения левантйской торговли.**

При отсутствии современных средств коммуникации выход к морю имел принципиальное значение для успешной коммерции. Портовые города обладали существенными преимуществами в торговле по сравнению с городами, находящимися в глубине материка, поскольку гораздо быстрее и с меньшими издержками могли транспортировать грузы на большие расстояния.

Более того, в конкретных обстоятельствах интересующей нас эпохи особые преимущества имели средиземноморские (а не балтийские, североморские, атлантические или речные) порты, поскольку через них доставлялись имевшие особую ценность специи с Востока [Оке (2006), с. 157–162]. Они пользовались огромным спросом, продавались по высоким ценам и приносили купцам значительный доход в сравнении с тем, который обеспечивали обычные товары — хлеб, вино, шерсть, лес и т. д. По некоторым оценкам, цена килограмма перца, стоившего при производстве в Индии 1–2 грамма серебра, составляла в Александрии 10–14, в Венеции 14–18, а в потребляющих его странах Европы 20–30 граммов серебра [Бродель (1988), с. 403].

Существуют разные мнения о том, чем вызывался высокий спрос на специи. С одной стороны, есть предположения, что пряности заглушали неприятный вкус подпорченной пищи, которой приходилось пользоваться в эпоху отсутствия холодильников. С другой стороны, отмечается, что пряности могли использоваться для консервации продуктов и предотвращения их порчи. Однако, скорее всего, причина широкого распространения восточных диковинок была иной.

Динамичному обществу, в котором возникало деление на богатых и бедных, понадобилось демонстративное потребление. Богатые, желая подчеркнуть свое особое положение, стремились использовать престижные товары, недоступные основной массе населения. И дорогие заморские специи как нельзя лучше подходили для этой цели. Особенно злоупотребляли демонстративным потреблением бургерские элиты. У них не было титулов, земель и замков. У них не было формальной власти над людьми. У них до начала ренессансной эпохи даже не было пышных городских дворцов. Но были деньги, позволявшие покупать то, что недоступно порой даже знати. И бургеры пользовались представлявшейся им возможностью, чтобы косвенным образом приобрести главное — чувство собственного достоинства, для

которого не жалко никаких денег. Недаром в кулинарных книгах для городской буржуазии (например, изданных в Тоскане XIII–XIV веков) предписывалось более интенсивное употребление специй, чем в книгах для аристократии (например, использовавшихся во Франции и Неаполе).

В умах бургеров восточные специи представляли продуктом, вышедшим прямо из земного Рая, который, как полагали тогда, существовал на Востоке. Понятно, что за возможность хотя бы желудком приобщиться к райскому блаженству, можно было отдать крупное состояние [Монтанари (2009), с. 79–81].

Помимо торговли «райским блаженством», еще одним важным коммерческим следствием развития отношений с Востоком стало то, что Византия, заинтересованная в развитии своего флота, порой размещала у венецианцев заказы на строительство кораблей, а также нанимала на Западе опытных моряков. Подобный экспорт товаров и услуг серьезно способствовал накоплению капиталов.

Конечно, не одни лишь города Северной Италии (Венеция, Генуя, Пиза, Анкона) обладали географическими преимуществами в левантийской торговле. На Средиземном море имелись и другие порты, стремившиеся торговать с Востоком. К примеру, Палермо на Сицилии, Амальфи на Тирренском море, Рагуза (Дубровник) в Далмации, Барселона в Каталонии. Однако в целом совокупность ряда факторов способствовала в большей мере процветанию именно североитальянских торговых центров, среди которых постепенно выделились Венеция, Генуя и Пиза.

Помимо давления государей, южные города сильно страдали от набегов берберийских пиратов. А Амальфи был дважды разграблен конкурировавшими с ним пизанцами [Бродель (1992), с. 103]. Но, наверное, более важным фактором успехов севера стало то, что **Венеция и Генуя смогли усилиться в эпоху крестовых походов. Поддержка, которую оказывали им крестоносцы, может считаться третьим фактором ускорения развития Северной Италии.**

Преимуществом итальянских городов было то, что они умели аккумулировать деньги в Европе, а затем предоставлять кредиты на Востоке, где находились войска. Генуэзцы и пизанцы кредитовали крестоносцев уже в XII веке. Венецианцы пошли по их стопам, но помимо предоставления кредитов в начале XIII столетия (во время четвертого крестового похода) осуществляли «комплексное обслуживание» идущего на восток рыцарского войска, т. е. предоставляли ему свои корабли и съестные припасы, что непосредственно приводило к перекачиванию огромных денежных сумм с разных концов Европы в Северную Италию.

В то же время торговые города непосредственно участвовали в разграблении завоеванных территорий. Уже во время первого похода возникли ас-

социации купцов и судовладельцев, получивших название «маон», где каждый имел долю награбленного соответственно вложенному капиталу. Впоследствии города трансформировали грабеж в систематический бизнес и стали получать от победителей привилегии на торговлю с оккупированным Левантом, что в долгосрочной перспективе обеспечивало им значительный рост прибыльности. Например, еще в 1123 г. был заключен так называемый Пакт Вармунди между Венецией и Иерусалимом, согласно которому четверть всей торговли в любом городе королевства отходила венецианцам. А кроме того, они получали налоговые льготы и треть городов Тир и Аскалон после их завоевания. В 1204 г. Венеция получила три четверти добычи от захвата Константинополя и три восьмых от всех завоеванных земель. В самом городе венецианцам предоставили для их нужд лучшие районы города [Зомбарт (1904), с. 248; Кулишер (1926), с. 223; Гуковский (1990), с. 20; Бродель (1992), с. 106; Ле Гофф (1992), с. 67; Бек (2002), с. 44; Norwich (2003), р. 127–130, 141; Бартлетт (2007), с. 203–204; Goldthwaite (2009), р. 11].

В Италию перетекали деньги не только благодаря крестовым походам, но и вследствие вторжения войск германских императоров, а позднее — арагонских королей. Средства, которые они собирали со своих земель, тратились в итальянских городах, способствуя развитию производства [Goldthwaite (2009), р. 12]. Таким образом, на севере Италии скапливались капиталы, становившиеся основой для расширения городов, развития строительства, ремесла и торговли.

Для концентрации капиталов чрезвычайно важно было то, что военная деятельность в североитальянских городах не отделялась резко от коммерческой, что определялось морским характером бизнеса и всего образа жизни. «Силовики» (капитаны военных судов) попутно приторговывали, а купцы умели при необходимости сами себя защищать. В таких условиях добыча, связанная с крестовыми походами, не проматывалась, а, скорее, инвестировалась [Norwich (2003), р. 85]. У французских или немецких рыцарей добытые деньги быстро уходили меж пальцев, тогда как у венецианских или генуэзских предпринимателей они шли в дело.

В этой связи весьма интересен тезис В. Зомбарта о том, что первоначальный капитал, столь важный для развития торговли и кредитования, образовался в Северной Италии, а также Фландрии-Брабанте, за счет перекачивания денег из сельского хозяйства [Зомбарт (1904), с. 274–293]. Там, где побеждали коммунальные революции, феодалы часто вынуждены были переселяться в города, поскольку общины желали их контролировать. Теряя возможность силового давления на город, аристократы в то же время испытывали соблазн войти в партнерство с деловыми кругами, нуждавшимися в свободном капитале. Во всяком случае, в Генуе и Сиене дело, похоже, обсто-

яло примерно так. Возможно, складывавшийся там в давние времена альянс напоминал тот, который сложился в СССР эпохи реформ, когда красные директора, контролировавшие собственность, финансовые потоки и трудовые коллективы, начинали сотрудничать с предпринимателями, знавшими способы эффективного личного обогащения посредством номенклатурной приватизации.

Следующий фактор успеха Северной Италии связан уже не с морской торговлей, а с финансовой деятельностью. И здесь надо сказать об определенных преимуществах, которые имели не Венеция, Генуя и Пиза, а Флоренция и Сиена — города, далекие от морского побережья, но зато расположенные ближе к Риму — месту пребывания Святого престола.

Католическая церковь в Средние века концентрировала в своих руках огромные суммы. По сути дела, она являлась крупнейшим собственником Европы. В первую очередь ее доходы определялись получением десятины — своеобразного налога, который платили все католики. Сбор средств на нужды церкви осуществлялся даже на самых дальних оконечностях Европы. Сохранились записи 1282 г. о сборе десятины, отсылаемой в Рим епископом Гренландии, а также официальная расписка папы, удостоверяющая ее получение. Характерно, что в связи с отсутствием денег на дальнем северном острове, десятина оказалась выплачена натурой, т. е. моржовыми клыками и шкурами белого медведя. Святой престол аккуратно оприходовал новое церковное имущество [Даймонд (2010), с. 255].

Помимо десятины важнейшим источником благосостояния церкви становилась собственность. Дипак Лал сформулировал (основываясь на исследовании Джека Гуди) теорию, объясняющую, каким образом роль церкви в хозяйственных вопросах оказалась столь велика. Источником формирования церковных богатств стали те изменения в сфере организации семьи и брака, которые были осуществлены на рубеже VI–VII веков римским папой Григорием I.

Его понтификат пришелся на тяжелое время, когда Италия подпала под власть лангобардов, которые разрушали все, что могли, и уничтожали остатки латинской культуры. Спаситься можно было только с помощью крупного выкупа, и папа действительно неоднократно прибегал к этому средству. «В одном позднейшем письме к императрице Констанции Григорий иронически называет себя казначеем лангобардов, так как под их мечом римлянам сохраняется жизнь лишь постольку, поскольку за эту жизнь церковь каждый день платит» [Грегоровиус (2008), с. 196].

Неудивительно, что папе в такой обстановке пришлось уделять внимание финансовым вопросам. Он стал не только пастырем, но и крепким хозяйственником, эффективно управлявшим имениями церкви. Кроме того, он наверняка должен был подумать и над вопросом, как в перспективе расши-

рять церковное имущество. И вот Григорий зашел в экономику с весьма необычной стороны — семейной.

Дохристианская традиция поощряла браки с кровными родственниками, с близкими свойственниками или вдовами кровных родственников, а также практику усыновления детей и, наконец, сожителства (конкубината) [Лал (2007), с. 104–105]. Григорий подобное поведение запретил, хотя такого рода запреты слабо связаны с текстом Священного Писания и не вытекают из норм римского права.

Почему же революция Григория I оказала влияние на экономику? Да потому, что все новые нормы (наряду с важным для христианства традиционным запретом на разводы) серьезно затрагивали вопросы наследования имущества.

Чем легче людям вступить в брак, тем выше вероятность рождения детей и появления наследников. Но сложная система ограничений тормозит демографическое развитие. Кто-то не может найти жену. Кто-то не выходит замуж после кончины супруга. Какая-то семья остается бездетной. «Запретите близкородственный брак, воспрепятствуйте усыновлению, осудите многоженство, внебрачное сожителство, развод и повторный брак — и 40 % семей останутся без прямого наследника мужского пола», — делает Д. Гуди весьма радикальный вывод [цит. по: Лал (2007), с. 105]. Возможно, на самом деле демографические потери, связанные с революцией Григория I, не были столь ужасающи, но трудно усомниться все же в их чрезвычайной значимости для общества.

В дальнейшем церковь ограничивала даже интенсивность половой жизни в законном браке. Секс был запрещен по средам и в воскресенье, в праздники и во время поста, перед причастием и после него. В итоге в году насчитывалось 140 «скучных дней», когда нельзя было производить на свет потомство [Бальхаус (2012), с. 138].

Если семья не имела прямого наследника, то под влиянием сильных религиозных чувств ее имущество часто завещалось Церкви. Кроме того, Церковь имела материальный выигрыш от того, что христианство идеализировало девственность. Во многих случаях семьи вообще не создавались: молодые люди выбирали монашескую стезю. А уход из мира, в свою очередь, способствовал «уходу из мира» значительного объема имущества.

Наконец, следует отметить регулярный переход к Церкви земель свободных аллодистов, которые не могли свести концы с концами, получали поддержку монастырей и в ответ передавали им собственность, сохраняя за собой право пользования с обязательством регулярной уплаты чинша [Сказкин и др. (1970), с. 146].

«По некоторым оценкам, — отмечал Д. Гуди, — к концу VII в. во Франции в руках Церкви находилась одна треть производительных земель...

В IX в. в германских землях, в Северной Франции и в Италии Церковь владеет земельными угодьями вдвое большими, чем в VIII. В Южной Франции также между первой и второй четвертями IX в. церковная собственность увеличивается с 21 до 40 %» [цит. по: Лал (2007), с. 106]. В Англии некоторые епископы имели фьефы, поставлявшие в войска по 60 и более рыцарей. В Германии Рейнланд называли «улицей священников», поскольку земли там сплошь принадлежали церкви. Во Франции епископ лангрский держал в ленном владении целое графство [Буассонад (2010), с. 145].

Как сбором десятины, так и получением доходов с церковной собственности требовалось каким-то образом управлять. Необходимо было переправлять в Рим известную долю тех средств, которые оказывались в распоряжении Церкви. Кроме того, постепенно сформировались еще и «невидимые статьи экспорта», как назвал их Джованни Арриги [Арриги (2006) с. 146]. Хорошие доходы приносили папскому престолу паломничества по святым местам (в Рим, в Сантьяго-де-Компостелла и т. д.). Со временем значительную выручку стали давать индульгенции — бумаги, предоставляющие их покупателю право на отпущение грехов.

Словом, кто-то должен был обслуживать римский престол в финансовой области. Специалисты, умеющие обращаться с деньгами, вряд ли могли появиться в папском окружении. В конце XI века курия на время поручила управление финансами ордену Ключни, а в XII столетии этим делом занимался кардинал-камерленго, находившийся непосредственно в Латеране [Ле Гофф (2010), с. 70]. Но, видимо, святые отцы работали на финансовой ниве не слишком успешно, поскольку в XIII веке в дело вмешались итальянские банкиры. Они часто авансировали Святой престол на крупные суммы, а затем сами собирали доходы, стремясь получить в целом больше, чем потратили [Гуковский (1990), с. 100–101]. Соответственно, известная часть средств Церкви оседала у финансовых посредников. Это первоначальное накопление послужило основой для быстрого развития тосканских городов Сиены и Флоренции, которые, «заработав на папе», затем могли активно укреплять свой банковский бизнес, предоставляя кредиты государям и предпринимателям.

Примерно на протяжении 30 лет в середине XIII столетия большая часть бизнеса, связанного с деньгами церкви, велась жителями Сиены. Первые крупные дела за Альпами осуществлялись сиенцами Корсини и Анжелъери, которые ездили в Англию и Францию в качестве сборщиков папских денег. Кроме них большую роль играли такие семьи, как Толомеи, Пикколомини, Каччаконти и особенно Буонсиньори, находившиеся в наиболее тесных отношениях со Святым престолом.

Надо отметить, что помимо непосредственной выгоды, получаемой от «прокрутки» папских денег, банкиры, работавшие «под прикрытием» церк-

ви, имели еще и серьезные преимущества в сравнении с еврейскими ростовщиками. Ведь бесправного еврея влиятельный феодал мог порой откровенно «кинуть» под предлогом того, что церковь, мол, осуждает ростовщичество. А вот христианским кредиторам трудно было не вернуть долг или не заплатить процент [Гуковский (1990), с. 104–105; Douglas (2000), p. 33–38; Арриги (2006), с. 146].

Какое-то время дела сиенцев шли столь успешно, что им стало, по видимому, казаться, будто процветанию не будет конца. О надеждах того времени по сей день свидетельствует огромная стена, примыкающая в историческом центре непосредственно к кафедральному собору (Дuomo). Жители Сиены хотели построить новый гигантский храм, полагая, что численность населения города станет непрерывно увеличиваться благодаря развитию бизнеса. Однако чума, разразившаяся в 1348 г., эти амбициозные планы сильно скорректировала. И в дальнейшем Сиена уже не претендовала на первые роли в Италии. А стена так и осталась памятником нереализованных планов экономического развития.

Вслед за сиенцами к бизнесу, осуществлявшемуся в партнерстве с Римом, подключились флорентийцы, в частности семьи Спины и Скальди, а затем Барди, Перуцци, Аччайуоли. Возможно, Святой престол стал отдавать им преимущество, поскольку в 1266 г. во Флоренции победили гвельфы [Клулас (2007), с. 19]. По опыту последних десятилетий России мы знаем, сколь часто власть перенаправляет финансовые потоки в зависимости от того, с какой группировкой дружит.

Впрочем, существовали и объективные обстоятельства, благодаря которым флорентийцы «выиграли тендер» на управление папскими деньгами. Только у них имелась разветвленная сеть филиалов в различных странах Европы, поскольку Флоренция вела там свой бизнес, связанный с шерстью. И это было важно, поскольку, как отмечает Ричард Лахман, «папы рассчитывали на то, что крестовые походы будут финансировать их французские, фламандские и английские союзники, согласившись передать папству часть десятины и других церковных доходов. Папы нуждались в банкирах, предоставляющих ссуды, которые они намеревались погасить, получив средства из национальных церквей в обмен на право откупа десятины... Нигде кроме Флоренции не существовало постоянных ассоциаций купцов, способных мобилизовать значительный запас капитала... и только флорентийцы имели реальную сеть филиалов в тех странах, из которых собирались церковные доходы для оплаты займов папства» [Лахман (2010), с. 119–120].

Дело доходило до того, что флорентийцы фактически некоторое время контролировали финансы не только Рима, но и стран, в которых работали [Кулишер (1926), с. 243]. В итоге Флоренция стала одним из самых динамичных финансовых центров эпохи. Доходность бизнеса по кредитованию

папы, а также английского и сицилийского монархов, доходила у семей Барди и Перуцци до 33 %, в то время как торговля шерстью приносила лишь порядка 12 % [Лахман (2010), с. 153].

Со второй половины XIV века флорентийцы потеряли ряд объективных преимуществ, однако их деловые контакты со Святым престолом по-прежнему поддерживались. Вопрос о том, какую роль играли церковные деньги в становлении крупных капиталов, хорошо изучен на примере семьи Медичи, хотя, считается, что она никогда не оперировала столь большими деньгами, как Барди или Перуцци. Основатель династии Джованни ди Биччи кредитовал авантюриста Бальтассаре Коссу, который в 1410 г. стал папой Иоанном XXIII и сразу же доверил банку Медичи вести финансовые дела курии. Отношения их были крайне близкими: во многих письмах Косса называл Медичи ближайшим другом [Parks (2006), p. 47].

Помимо ведения дел курии и кредитования Святого престола, банк принимал вклады от многих значительных лиц, связанных с церковью, — кардиналов, епископов, папских легатов и богатых паломников. Римский филиал банка в это время приносил больше половины всего дохода, несмотря на наличие бизнеса в ряде других городов. И хотя Иоанн вскоре оказался низложен, Медичи удалось сохранить хорошие отношения со Святым престолом, уделив серьезное внимание новому папе — Мартину V. Около трети доходов банка по-прежнему поступало за счет работы римского филиала, работники которого даже сопровождали папу в его поездках. Причем внимание уделялось не только понтифику. Деньги стекались в банк со всех сторон. Среди вкладчиков были весьма влиятельные лица, например Генри Бофорт, епископ винчестерский, сводный брат короля Англии, или кардинал Герман Дверг, близкий друг папы Мартина [Parks (2006), p. 24, 48, 52; Клулас (2007), с. 31; Стратерн (2010), с. 42–54, 68].

В целом можно сказать, что финансовая деятельность итальянских компаний строилась не столько на кредитовании рыночных операций, сколько на связях со слабым государством, не способным эффективно управлять бюджетом, а потому позволяющим бизнесу перекачивать себе часть ресурсов, аккумулируемых при помощи налоговых сборов. Капиталы «олигархов» позднего средневековья и пореформенной России XX века формировались похожим образом.

Костры процветания

Северная Италия не была обособленным анклавом. Напротив, она стала локомотивом экономического роста различных регионов, связанных с ней тем или иным образом. О том, как распространялся бизнес по Европе, пре-

красно сказал великий ученый Фернан Бродель: «Вездесущие промыслы проникают повсюду, даже в небольшие городки, где историк не ожидает их встретить, или в такие опаленные солнцем известные очаги праздности, как Неаполь. Они похожи на тысячи маленьких костров, слабо тлеющих на поле скошенной травы. Они то разгораются, то угасают, но потом вновь вспыхивают чуть поодаль. Достаточно задуть легкому ветру, чтобы пламя распространилось на новые участки» [Бродель (2003), с. 113].

Венеция не остановилась на торговле. Она стала центром изготовления некоторых видов тканей. А на острове Мурано в лагуне сосредоточилось важнейшее для Европы производство стекла. Благодаря сделанным в 1503 г. техническим открытиям венецианские зеркала стали распространяться по всей Европе [Делюмо (2006), с. 222–223]. Но главным для Венеции являлось судостроение. Арсенал, контролируемый властями, занял огромный городской квартал, где трудилось в общей сложности 16 тыс. рабочих [Бродель (1992), с. 123–124; Norwich (2003), p. 84]. Кроме того, существовали еще частные верфи. Другим мощным центром судостроения стала Генуя, где корабли строила ассоциация капиталистов, каждый из которых имел долю в прибылях [Гуковский (1990), с. 107].

Строительство кораблей вызывало большую потребность в лесе. Поначалу, естественно, стремились вырубать то, что растет неподалеку. Однако длительный срок, потребный на восстановление вырубленных массивов, заставлял европейцев уходить все дальше и дальше в поисках пиломатериалов. Например, венецианцы, опустошив близлежащую итальянскую местность, стали завозить лес из Далмации — с противоположного берега Адриатического моря [Norwich (2003), p. 85]. Развитие судостроения в не слишком богатых лесами Испании и Португалии обусловило импорт досок и брусьев из Северной Европы. Они грузились на суда в Прибалтийских странах и в Голландии, а выгружались в Севилье и Лиссабоне. Причем для того, чтобы обеспечить поставки, огромные плоты спускались по польским рекам до Балтийского моря [Бродель (1986), с. 387, 390].

Если Венеция и Генуя специализировались на строительстве кораблей, то Флоренция стала крупнейшим в Италии центром изготовления шерстяных тканей. До эпохи массового распространения хлопчатобумажных изделий (XVIII век) именно шерстяная одежда была основной для жителей Европы.

Во Флоренции два цеха — Калимала и Лана — занимались шерстью. Лана специализировалась на массовом производстве. Даже в период своего упадка — середина XIV столетия — цех производил около 10 % всех сукон Западной Европы. К концу XIII века Лана обеспечивала работой почти треть трудоспособного населения города, а также жителей окрестностей. Часть производства специально переносилась из Флоренции в соседние города,

где имела свободная рабочая сила. Так, например, Ф. Датини организовал бизнес в Прато. Калимала в большей степени, чем Лана, ориентировалась на элитного потребителя, закупая готовые сукна северных производителей, а затем окрашивая их и экспортируя в разные страны Европы. Окраска ткани в то время составляла до половины стоимости продукции, а потому расцветочный костюм был доступен лишь богатому потребителю [Гуковский (1990), с. 88–89; Антонетти (2004), с. 161–165, 175; Данн (2011), с. 126].

Производство шерстяных тканей требовало крупных поставок шерсти и, соответственно, развития овцеводства. В этой сфере сельского хозяйства стали специализироваться три региона, которые, с одной стороны, не отличались высокоразвитой городской культурой, но с другой — находились на приемлемом для транспортировки расстоянии от крупнейших центров ткацкого ремесла.

Первым таким регионом стала Кастилия с ее знаменитым овцеводческим «товариществом» Местой, привилегии которого восходят к 1273 г. Людей в Кастилии жило мало, земель имелось много, а потому овцам было где разгуляться. Их перегоняли с места на место в зависимости от сезона. Испанские мериносы обладали тонкой шерстью, пригодной для изготовления высококачественных тканей. Такие города, как Леон, Сеговия, Сория и Куэнка, богатели за счет овцеводства. Транспортировка шерсти шла через Бильбао во Фландрию, а также через Аликанте и Малагу в Италию. При этом овцеводы находились в коммерческой связи с Генуей, кредитовавшей производство, и Флоренцией, закупавшей шерсть для своих мастерских [Бродель (2002), с. 104–108; Рюкуа (2006), с. 164–166].

Вторым важным для овцеводства регионом стали с XIV века Кампанья, Абруцци, а также территории Неаполитанского королевства, расположенные вдоль Адриатики [Делюмо (2006), с. 290; Goldthwaite (2009), p. 39]. По всей видимости, при отсутствии промышленности подобная сельскохозяйственная специализация худо-бедно могла поддерживать юг Италии в финансовом отношении.

Третьим регионом, специализировавшимся на овцеводстве, стала Англия. Там в первую очередь богател Лондон — главный порт, через который шла транспортировка шерсти в ремесленные города Фландрии. А с XVI века стали богатеть графства Саффолк, Эссекс, Кент и Нортгемптоншир, где проводились огораживания общинных земель под выпас овец [Тойнби (2011), с. 29].

Во Фландрии — в Брюгге, Генте, Ипре, а с XIV столетия еще и в Брабанте — Лувене, Брюсселе и Мехельне — возник второй крупный европейский центр производства шерстяных тканей, что определялось и близостью английской сырьевой базы, и широким рынком сбыта северных стран, который не могли удовлетворить флорентийцы. Каждый город специализировался на своем виде ткани, отличающемся по качеству и цвету. Примерно на

рубеже XI–XII веков графы Фландрии сделали торговую политику более свободной, благодаря чему Брюгге стал еще и важнейшим портом, обеспечивавшим связь основных центров производства шерсти с балтийским побережьем и с Англией [Дживелегов (1904), с. 179; Кулишер (1926), с. 186; Пиренн (2001), с. 147–148, 221–219]. С XIV века и сами англичане всерьез занялись ткацким ремеслом — особенно в таких южных городах, как Лондон, Винчестер, Солсбери, Бристоль, Ковентри [Делуомо (2006), с. 289].

Помимо основных центров шерстяная промышленность из-за высокого спроса на одежду была распространена в десятках городов центральной Европы. Однако масштабы производства сильно различались. Если в Кёльне шерсти производилось, возможно, порядка двух третей от флорентийского уровня, то во Франкфурте не больше пятой, а в Страсбурге не больше десятой части [Кулишер (1926), с. 165]. Некоторые города находили нишу для уникальной специализации. Например, в Монпелье производились знаменитые пурпурные сукна [Стам (1969), с. 184].

Хлопчатобумажная ткань не была столь распространена, как шерстяная. Расцвет ее производства приходится уже на период промышленной революции XVIII столетия. Однако начало широкого производства относится к XV веку, когда из Венеции дважды в год уходили в Сирию за хлопком-сырцом большие суда. Производство хлопчатобумажных тканей активно развивалось в Милане, а также в южно-германских городах Аугсбурге и Ульме [Бродель (1986), с. 349]. Возможно, потому, что они, с одной стороны, находились вблизи магистрального пути из Венеции на север, а с другой — потому, что к северу от Альп спрос на такие ткани оказался очень широк. Знаменитая семья Фуггеров начинала в Аугсбурге именно в качестве посредников, обеспечивавших поставки хлопка из Сицилии, Калабрии и с Кипра, а затем распределявшая сырье среди большого числа ткачей своего региона. Фактически Фуггеры обеспечивали работой и контролировали небольшие города Вейсенхорн и Кирхберг, а также пять крестьянских общин, расположенных между Аугсбургом и Ульмом. На готовые ткани Фуггеры ставили свое клеймо, свидетельствующее о качестве продукции, а затем осуществляли экспорт на север Германии, в Нидерланды, Италию, Францию, Португалию, Англию [Норден (1978), с. 16–22].

В другом германском городе Нюрнберге беглые итальянские протестанты основали производство шелковой парчи и бархата [Бродель (2002), с. 284]. Но крупнейшим центром по изготовлению и окраске шелка была еще с XIII века Лукка, перенявшая технологию с востока. Впоследствии это производство распространилась на север, в частности в Цюрих, Кёльн и особенно Лион. При этом сырье для шелкоткацкого производства поставляли аграрные регионы Италии и Испании [Дживелегов (1904), с. 76; Бродель (1988), с. 306; Goldthwaite (2009), p. 20, 39].

Производство льняных тканей сосредоточилось в Геннегау, Фландрии и Брабанте, тканей из конопли — в Пуату и Бретани. Последняя, как земля моряков, специализировалась на парусине, которую экспортировала даже в Испанию и Италию [Ле Руа Ладюри (2004), с. 57; Делюмо (2006), с. 194]. И наконец, важным элементом в производстве одежды была выделка кож. Здесь доминировали Нюрнберг, Эрфурт, Дортмунд, Бреслау (Вроцлав) [Зомбарт (1904), с. 118]. Во Франции славились тулузские кордуаны — кожи высшего сорта [Стам (1969), с. 184].

Наряду с одеждой важнейшими товарами эпохи являлись вооружение и доспехи. В северной Италии на них специализировался Милан — четвертый, наряду с Венецией, Генуей и Флоренцией, крупный центр региона [Гуковский (1990), с. 70]. От Милана импульс распространялся в соседние итальянские города, а также за Альпы. Например, в Брешии конца XV века было сосредоточено порядка 200 оружейных мастерских. Другие ведущие производители оказались размещены в Германии и Австрии. В частности, они находились в Тюрингии — в Зуле (до 1634 г., когда он был разрушен в ходе Тридцатилетней войны), а также в Штирии вокруг Граца, в Кёльне, Регенсбурге и Нюрнберге (особо знамениты были нюрнбергские панцирные рубахи и гладкие доспехи). В начале XVII века большую роль в сфере производства вооружения начинает играть Швеция с ее значительными запасами металлов [Дживелегов (1904), с. 214; Бродель (1986), с. 406, 420].

Военное производство стимулировало изготовление бронзы, из которой отливали пушки. А для бронзы требовалась медь. Соответственно, в экономическое развитие включались регионы, обладавшие этим ресурсом. В Саксонии с XVI века начался бурный рост производства меди, ключевую роль в котором играли Фуггеры. А в следующем столетии на европейский рынок хлынула шведская продукция [Бродель (1986), с. 409]. Важнейшим местом добычи руды был Бергслаген, расположенный за торговым городом Вестеросом на берегу озера Меларен. Тяжелые грузовые суда не могли прийти из Балтики до Вестероса, а потому медь стали перегружать в Стокгольме, что способствовало превращению шведской столицы в региональный коммерческий центр [Клинге (1995), с. 41–42].

Постепенно переход военной индустрии на чугунные орудия изменил характер спроса на сырье. Соответственно, все большее значение стали играть железорудные залежи в немецких Гарце и Вестфалии, в австрийской Штирии, в английском Суссексе, в нидерландском Намюре, во французских Нормандии, Шампани, Дофине, Берри, Пуату и Перигоре, в испанской Бискайе, в итальянском Бергамо, а также на Сицилии и Эльбе [Буассонад (2010), с. 211]. Со временем также увеличивались поставки шведского железа в центральную Европу.

Металл использовался не только для производства вооружений, но и для изготовления разного рода бытовых товаров. В Германии, например, этот бизнес был так сильно сконцентрирован в одном месте, что до начала XX века продержался специальный термин — «нюрнбергские товары». Этим словосочетанием обозначался широкий круг мелких металлических изделий, производимых именно в Нюрнберге: ножи, бритвы, замки, косы, вилки, чашки, блюда, цепочки, шпоры, дужки для шпага, пряжки, стремяна, подсвечники и т. д. [Зомбарт (1904), с. 116]. В Италии своеобразным аналогом Нюрнберга был Милан, во Франции — Монпелье.

Металла требовало и создание произведений искусства. Здесь нужен был особый подход. Соответственно, возникала и новая специализация. Например, знаменитый флорентийский мастер Лоренцо Гиберти получал из Кёльна легированную латунь, необходимую для отливки замечательных сцен на северных дверях флорентийского баптистерия Сан-Джованни [Скаллини (2005), с. 195].

Быстрое развитие экономики должно было поддерживаться увеличением денежной массы. Бизнес создал спрос на золото и серебро, что вовлекало в хозяйственные процессы регионы, богатые драгоценными металлами, но находившиеся порой сравнительно далеко от крупных хозяйственных центров.

Крупнейшим производителем серебра стал еще во второй половине X века германский городок Гослар, расположенный в горах Гарца. Благодаря шахте Раммельсберг он к началу XI столетия уже превратился в один из крупнейших хозяйственных центров, расположенных за пределами территории бывшей римской империи. В 1009 г. здесь был возведен большой императорский дворец. А в середине XI века Генрих III решил даже основать здесь (поближе к деньгам) свою постоянную резиденцию, и Гослар в некоторых хрониках стал именоваться Римом севера. Богатства города привлекали сюда лучших мастеров. В одном из храмов Гослара по сей день можно видеть романские фрески, созданные в начале XIII века, что производит невероятное впечатление в столь удаленном от Италии месте.

В 1281 г. Гослар стал одним из учредителей Ганзы, несмотря на свою удаленность от североморского региона, и процветал примерно до конца XVI столетия, когда началось его медленное увядание [Griep (2010), p. 6–10, 36–37].

Около 1260 г. серебро стали добывать в чешской Кутной горе, куда пришли работать немецкие шахтеры. В 1300 г. король Вацлав II создал здесь центральный монетный двор для чеканки пражского гроша. С этого времени начинается быстрое развитие города, признаки которого (роскошная готическая архитектура) можно наблюдать и сегодня. Знаменитая шахта «Осел» была в XVI веке самой глубокой шахтой мира, однако постепенное

исчерпание ресурсов привело Кутну гору к кризису, что выразилось, в частности, в прекращении строительства храма св. Варвары, так и оставшегося по сей день незаконченным [Кулих (б.г.).

Свои среброносные копи имелись во многих странах. В Италии, например, они размещались на Сардинии, а также к югу от Вольтерры (между Сиеной и побережьем моря), где обнаружили месторождения разных полезных ископаемых — золота, свинца, ртути. В Англии серебро давал Девоншир [Goldthwaite (2009), p. 18; Ле Гофф (2010), с. 51]. Но крупнейшим европейским производителем благородных металлов стала с 1320-х гг. Венгрия. Вплоть до открытия Нового света она поставляла на рынок около трети всех драгоценных металлов благодаря месторождениям, открытым в окрестностях Кермецбани и Надьбани (ныне находящихся на территории Словакии). Венгрия не имела серьезной промышленной специализации, однако благодаря золоту и серебру импортировала многие ремесленные товары и предметы роскоши, став, таким образом, одним из развитых европейских рынков [Контлер (2002), с. 112–113].

Быстро развивалась добыча благородных металлов в Штирии, в Саксонии (Шнеберг, Аннаберг, Мансфельд, Эйсleben), в Богемии (Яхимов). Но в целом на второе место после венгерских месторождений серебра вышли в XV–XVI веках тирольские. Особенно те, что были расположены в горнорудных местностях Швац и Кицбюэль (неподалеку от Инсбрука). Поначалу они принадлежали эрцгерцогу Сигизмунду, но с 1487 г. этот могущественный Габсбург стал брать кредиты у Якоба Фуггера под будущие доходы от рудников. Со временем Фуггер сам осуществил крупные инвестиции в месторождения серебра, причем не только в Тироле, но также в Венгрии и других регионах. Благодаря серебру он стал одним из богатейших людей своего времени.

Для того чтобы выделять серебро из медной руды, Фуггер построил два завода — в Каринтии и Тюрингии. Медь затем отправлялась в Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне, а также экспортировалась на север по Одеру до Штеттина или по Висле до Данцига, откуда морем транспортировалась в Гамбург и — самое главное — в Антверпен, являвшийся главным перевалочным пунктом для множества товаров. Фактически именно приток южно-германских капиталов стимулировал взлет Антверпена и усиление его позиции в конкуренции с Брюгге. Таким образом, один лишь бизнес Фуггеров способствовал ускорению экономического развития самых разных регионов Европы. Маленький Швац по численности населения сравнялся с ведущими имперскими городами. Быстро развивались также места переработки руды и торговые центры. В конечном счете деньги стекались в Аугсбург, что способствовало быстрому развитию этого торгово-ремесленного города [Норден (1978), с. 27–37; Бродель (1992), с. 147–148; Herre (2009), p. 16–17, 82].

Мощное воздействие фуггеровских капиталов и сегодня можно видеть в Аугсбурге, где находятся огромный семейный дворец, а также квартал Фуггеррай, построенный для призрения неимущих земляков влиятельного семейства. «Аугсбург — это германская Флоренция, а Фуггеры — это аналог Медичи», — отмечал мыслитель и церковный реформатор Филипп Меланхтон» [цит. по: Негге (2009), р. 18].

Из развития денежной экономики непосредственно вытекало формирование торговых центров, где обладатели денег встречались с обладателями товаров. По всей Европе возникали ярмарки, способствовавшие процветанию приютивших их городов. Во Франции, например, ярмарочными городами стали Руан, Амьен, Бордо, Кан, Сен-Дени под Парижем. В Германии — Ахен, Франкфурт, Констанц. В Нидерландах — Лилль, Ипр, Брюгге. В Кастилии — Севилья и Медина-дель-Кампо. В Италии — Венеция, Бари, Лукка [Буассонад (2010), с. 195].

Но самый значительный пример этого рода — шампанские ярмарки XII–XIII веков, располагавшиеся в городах Ланьи, Бар-сюр-Об, Провене и Труа [Ле Гофф (2010), с. 24]. По всей видимости, успех Шампани в конкурентной борьбе стал результатом синтеза удобного местоположения региона, предприимчивости местных графов, а также относительной независимости графства от Франции, что позволяло сохранять там мир, в то время как французские короли и германские императоры вели непрекращающиеся войны [Кулишер (1926), с. 171].

Со временем ярмарка в Женеве заняла то место, которое играли шампанские ярмарки, а в конце XV столетия стал доминировать Лион [Камерон (2001), с. 100]. В XVI веке большую роль играла ярмарка в Пьяченце, на которой, правда, имели дело не с товарами, а с капиталами: геновские финансисты аккумулировали средства для кредитования испанской короны [Бродель (2003), с. 224–229]. Некоторые города (Лейпциг, Медина-дель-Кампо) полностью сливались со своими ярмарками и подстраивали под их проведение всю жизнь, даже дома сносили и перестраивали, чтобы торговля чувствовала себя удобно [Бродель (1988), с. 72].

Производство денег и торговля, в свою очередь, стимулировали развитие банковского бизнеса. В северной Италии не только Флоренция и Сиена, но практически все крупные города стали банковскими центрами — Венеция, Милан, Генуя, Болонья, Палермо, Неаполь, Пиза и Римская курия. За Альпами кредит концентрировался в Париже, Монпелье, Авиньоне, Барселоне, Валенсии, Брюгге, Антверпене, Лондоне и целом ряде германских городов [Делуомо (2006), с. 249].

Развитие бюргерской культуры сформировало спрос на книги. Деловой человек должен был быть грамотным, а грамотность и интеллектуальная деятельность стимулировали интерес к знаниям. В 1455 г. в Майнце Гутен-

берг напечатал первую Библию [Делюмо (2006), с. 216–217]. В дальнейшем книгопечатание концентрировалось в крупных городах, где имелся массовый потребитель — в Париже, Лионе, Венеции, Нюрнберге, Антверпене [Бродель (1986), с. 427].

Развитие экономики крупных хозяйственных центров постепенно привлекает в производство и малые города, которые становятся поставщиками разного рода компонентов и ингредиентов для основных видов продукции. Яркий пример такого рода развития — небольшой тосканский городок Сан-Джиминьяно, находящийся на высоком холме между Флоренцией и Сиеной.

В 1241 г. в Сан-Джиминьяно появляется представитель генуэзского купечества для ведения переговоров о поставке шафрана. Помимо использования в кулинарии и медицине, этот продукт является хорошим натуральным красителем. Развитие текстильного производства объективно порождало спрос на красители, и Сан-Джиминьяно занял свою небольшую, но важную нишу на рынке. Местные купцы приобретали шафран у крестьян в окрестностях городка, а затем перепродавали его в крупные текстильные и торговые центры. В частности, сан-джиминьянский шафран оказывался в Лукке и Вольтере, в Генуе и Пизе, а также на Сардинии, в Провансе и Шампани [Рутенбург (1987), с. 14–15]. Сравнительно узкая коммерческая специализация не позволила городу на холме разрастись до уровня ведущего культурного центра, однако стабильная «шафранная» выручка стала базой для строительства мощных крепостных стен, солидных каменных домов и нескольких впечатляющих храмов, которые украшены фресками лучших тосканских художников — например, Беноццо Гоццоли и Доменико Гирландайо.

Городок Толфа в Лацио на папских землях имел схожую с Сан-Джиминьяно судьбу. Там было открыто крупнейшее месторождение квасцов, которые используются при окраске тканей. Рудники сдавались в аренду флорентийским и генуэзским компаниям, а Святой престол получал треть доходов [Эрс (2007), с. 30–31].

Семейство Бернуи из Тулузы в XVI веке доминировало на рынке пастели. Обладая представительствами во всех крупных европейских центрах — Антверпене, Лондоне, Руане, Нанте, Бордо, Толедо, Сеговии, Куэнке, французские предприниматели смогли сформировать крупнейшую семейную торгово-промышленную империю, контролировавшую производство и сбыт [Перес (2012), с. 37].

На красителях специализировались также тосканская Кортонна и Аквила, расположенная в регионе Абруцци [Сказкин и др. (1970), с. 212]. А в небольшом городке Фаэнца возник центр производства керамики (фаянса), которую стали продавать по всей Европе [Делюмо (2006), с. 224]. Фабриано с XIII века стал ключевым производителем бумаги, причем это позволило сначала прекратить ее импорт с востока, а затем начать вывозить итальян-

скую продукцию в страны Леванта. Такая же история произошла с мылом, которое перестали покупать в Леванте и стали производить в Венеции и Апулии [Goldthwaite (2009), p. 7]. А на северо-востоке Франции Аррас стал известным производителем шпалер, что тоже является примером специализации малых городов [Дживелегов (1904), с. 183]. Один из видов гобеленов и по сей день называют аррасом.

Болонья после того, как в ней был основан университет, менее чем за два века превратилась из скромного поселения в крупный центр, готовящий интеллектуалов для многих европейских стран [Рутенбург (1987), с. 113]. Таким же образом университеты способствовали росту многих городов Европы: Неаполя, Падуи, Павии, Саламанки, Монпелье, Орлеана, Тюбингена, Гейдельберга, Лейпцига, Фрайбурга, Росток, Оксфорда, Кембриджа, Праги, Кракова, Вильнюса, Упсалы.

Другой вариант развития малых городов — сосредоточение родственного производства вокруг крупного центра, куда, по понятным причинам, стекались многочисленные покупатели. Так, например, Лион в XVI веке утвердился в качестве лидера металлообработки Франции. Соответственно вокруг него в радиусе примерно 100 км появилось множество городков, каждый из которых находил свою специализацию. В Сент-Этьене производился скобяной товар, аркебузы, алебарды, шпаги, кинжалы. В Сен-Шамоне — скобяные изделия, аркебузы, застежки на крючках, петли, шпory, напильники, медные тазы. Второстепенные центры металлообработки могли сосредоточиваться на производстве гвоздей, чугунных горшков, земледельческих орудий и даже такого товара, как колокольчики для мулов или ножницы для стрижки овец [Бродель (1986), с. 406].

Включение периферии

Зафиксировав основные экономические центры Европы позднего средневековья, мы можем теперь сделать общий вывод о том, какие регионы имели объективные условия для более динамичного развития. Венеция, Генуя, Флоренция и Милан создавали импульс для роста экономики практически по всей северной Италии. Оттуда товары транспортировались через горные перевалы (в основном Сен-Готард и Бреннер) за Альпы. Южная Германия (Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Констанц, Базель) и юго-восточная Франция (Лион, Арль, Марсель, Монпелье) оказывались прямо на торговых путях, что, понятно, ускоряло их развитие. Рейн представлял собой чрезвычайно удобный естественный путь на север, и это способствовало формированию торговых центров в речной зоне — Кёльна (крупнейшего города Германии), Страсбурга, Майнца, Франкфурга-на-Майне. Наконец, на севере помимо Нидерландов

выделились германские торговые города, объединившиеся в Ганзу, — Любек, Гамбург, Бремен, Висмар и др. Дорога к ним шла от Кёльна сквозь Вестфалию и Брауншвейг. Через ганзейские центры завязывались коммерческие связи по всей Балтике и Северному морю [Кулишер (1926), с. 172–179].

Что же касается европейской периферии — регионов, находившихся вдали от описанной выше европейской оси, то им требовались «дополнительные аргументы» для того, чтобы быть втянутыми в активные коммерческие связи. Впрочем, многие европейские земли эти «аргументы» легко находили.

В некоторых случаях производство шло в регионы, где имелись достаточные запасы топлива. Хотя в большей степени это явление характерно для эпохи промышленной революции (с ее массовым производством), Ф. Бродель фиксирует важный пример развития города XV–XVI веков на базе крупных месторождений угля. Этим городом является Льеж, превратившийся в важнейший центр металлургии и производства вооружений в Нидерландах [Бродель (1986), с. 393].

Военное предпринимательство активно вовлекает в европейскую экономику регионы с избыточным населением. Солдат позднего средневековья и начала нового времени совсем не обязательно должен воевать под знаменем своей страны. Он сражается за деньги под командованием военачальника, который тем или иным образом сумел аккумулировать ресурсы, достаточные для формирования отряда. И если в северной Италии, скажем, есть много денег (которые города готовы вкладывать в свою оборону), однако недостает «пушечного мяса», спрос на солдат удовлетворяется в регионах, имеющих избыток активной молодежи.

В начале XVI века зоной набора ландскнехтов по преимуществу служил Вюртемберг — самая населенная область Германии [Бродель (1986), с. 73], которая к тому же расположена сравнительно близко к Италии, где шли интенсивные сражения между испанской и французской армиями. В дальнейшем спрос на солдат переместился в Германию, поскольку к северу от Альп начались кровопролитные религиозные конфликты. В XVII столетии (во время Тридцатилетней войны), там даже создалась ситуация, когда шведский король Густав Адольф формировал свою армию из местного населения на французские деньги, поскольку «факторы производства» оказались размещены по Европе весьма неравномерно. Король обладал талантом полководца, кардинал Ришелье — финансовыми ресурсами, а немцы — лишь «пушечным мясом», которое Франция и Швеция совместно использовали против своего общего противника — Габсбургов.

Шотландия — прямая противоположность Вюртембергу. Удаленный, малонаселенный регион Европы, где не было фактически никакого бизнеса. Но именно по этой причине шотландский солдат, характеризовавшийся дикой отвагой и варварской выносливостью, находил приложение своим си-

лам во Франции и Нидерландах, а также в Германии времен Тридцатилетней войны. Порой шотландцев заносило даже в Италию и в Московию [Савин (2000), с. 205–206].

Швейцария — горная местность, во многом похожая на Шотландию. В исследуемую эпоху ей было еще далеко до формирования крупного центра банковского дела, производства часов и шоколада. Соответственно при отсутствии собственного бизнеса солдат превращался в важнейший экспортный товар. Швейцарская гвардия, в частности, стала основой вооруженных сил Святого престола в Риме.

Ирландия. «С шестнадцатого века, когда англичане начали опустошать их родину, ирландские дворяне и солдаты подались на континент и стали маленьким, но существенным компонентом испанской армии» [Кеймен (2007), с. 239].

Помимо «пушечного мяса» Европа нуждалась и в продовольствии как таковом. Его тоже в значительной степени обеспечивала периферия, поскольку крупные города не могли кормиться с одних лишь окрестностей. В частности, для северной Италии житницей являлась южная часть Апеннин (Апулия), а также острова — Сицилия и Сардиния. Из Апулии зерно импортировалось через порт Бари на Адриатике. Но еще большее значение хлебная торговля имела для Палермо. Его развитие в значительной степени связано с тем, что в этом городе осуществлялись сделки по продаже зерна. Там размещались филиалы торговых домов Флоренции и Генуи [Сказкин и др. (1970), с. 166; Бродель (2003), с. 342].

Кроме того, хлеб поставлялся по морю из Византии. Морские поставки сицилийского хлеба давали работу не только генуэзцам, но также и торговцам из Рагузы и Марселя, а с XVI века из Ливорно. Попутно заметим, что бизнес Рагузы развивался еще и за счет того, что этот город являлся воротами, ведущими вглубь Балкан, где закупались шерсть и кожа [Бродель (2002), с. 163, 437].

В Англию и Нидерланды хлеб поставлялся из Бранденбурга по морю. Фландрию, кроме того, снабжала зерном северная Франция — Пикардия и Вермандуа, откуда товар шел по Шельде. Эти же регионы (а также Шампань и Барруа) были поставщиками Парижа. Бургундия транспортировала свой хлеб по Соне и Роне. Ключевым перевалочным пунктом на юге Франции стал город Арль, что сильно способствовало его развитию [Бродель (1986), с. 139–141; Камерон (2001), с. 80;].

Однако по мере того как развивались города Европы, спрос на продовольствие возрастал, и это влекло за собой две важные перемены.

Во-первых, в Италии и южной Франции предпринимаются работы по улучшению земель — в первую очередь мелиоративные. Так появились, в частности, рисовые поля Ломбардии, продукция которой уже с 1570 г. вы-

возилась в Геную. Похожие работы проводились в Тоскане, Кампании, Лангедоке [Бродель (2002), с. 77–78]. Все это требовало значительных капиталов и могло осуществляться лишь в тех регионах, где расположены были крупные города.

Во-вторых, хлеб стали завозить издалека. Примерно с XV века крупным экспортером становится Польша. Кредит на закупки зерна поступает из Нюрнберга. Хлеб непосредственно закупается на ярмарках, проходящих в Торне (Торуни) и Люблине, а затем транспортируется по Висле на север. Экспорт осуществляется морским путем по Балтике через Данциг (Гданьск), который становится, таким образом, важнейшим хлебным портом севера. Развитие этого торгового центра стало в основном следствием инвестиций Любека, расширявшего свое влияние на Балтике [Клинге (1995), с. 49; Бродель (2002), с. 269; Кёнигсбергер (2006), с. 58].

К XVI столетию Данциг благодаря хлебной торговле, возможно, превзошел даже по своему значению «старого родителя». Данцигские бюргеры добились от польского короля исключительных прав на посредничество между польской шляхтой — производителем зерна и иностранными купцами, продававшими хлеб по всей Европе. В трудный момент они предоставили монарху крупный кредит для формирования армии и затем могли свободно торговать, взимать портовую пошлину и чеканить собственную монету. Уже современники обвиняли Гданьск в чрезмерной алчности (по-польски — «захланности») и называли его «Хланьск».

«В августе месяце, когда здесь устраивается большая ярмарка... в порт входит больше 400 кораблей, нагруженных французским и испанским вином, шелком, оливковым маслом, лимонами, вареньем и другими испанскими плодами, португальскими пряностями, английским оловом и сукном. Они застают в Гданьске склады, полные пшеницы, ржи и другого зерна, льна, конопли, воска, меда, строительного леса, соленой говядины и других, мелких, вещей, которыми вновь нагружают свои разгруженные корабли», — писал в середине XVI века итальянец, прибывший в Польшу [цит. по: Дыбковская и др. (1995), с. 77].

К хлебной торговле через Польшу постепенно добавлялась мясная. По суше перегоняли стада быков с Украины, а затем продавали в Саксонии, Баварии и на Рейне [Тымовский и др. (2004), с. 128]. По оценкам, приводимым Ф. Броделем, к концу XVI века с Западного Буга ежегодно поставлялось в Германию порядка 50 тыс. голов крупного рогатого скота. Кроме того, примерно 200 тыс. голов перегонялось на Запад из Венгрии, Молдавии, Валахии и с Южного Буга. Кроме того, значительными животноводческими центрами в самой Западной Европе стали Дания (порядка 100 тыс. голов), а также Швейцария и Тироль (порядка 50 тыс.) с их плодородными альпийскими лугами [Бродель (1986), с. 209]. Города, находившиеся на

пути перегоняемых стад — например Вроцлав (Бреслау) в Польше или Птуй (Петтау) в Словении, — получали при этом дополнительный импульс к развитию.

Балтийское и Северное моря с XI века были для всей Европы крупнейшими поставщиками сельди, что в значительной степени заложило основы бизнеса немецких ганзейских городов, а затем рыбаков Голландии и Зеландии. Соленая сельдь хранилась лучше, чем любая другая рыба, а потому приобретала для европейцев той эпохи особое значение [Монтанари (2009), с. 101].

Поначалу ганзейцы ловили рыбу повсюду. В значительной степени на ловле и продаже сельди возвысились Любек, Висмар, Росток, Штральзунд. Но в XIII веке рыба сменила свой путь и пошла мимо шведского региона Сконе. Соответственно ганзейцы создали там крупный рыболовный центр. Каждый город имел свой квартал. Возник ряд каменных домов, где коптили и солили рыбу, а также множество деревянных кабаков и лавок. Во время ловли флотилии Северного и Балтийского морей появлялись в Сконе. «Тогда днем и ночью по всему побережью, при свете солнца или факела, рыбак без устали закидывал свои сети, а на берегу между тем непрерывно стучал бочарный молот» [Лавис (2011), с. 138–139].

Впоследствии торговые потоки, связанные с сельдью, несколько сместились. Считается, что голландцы открыли в середине XIV века способ быстро потрошить сельдь, засаливать ее на самом судне и тут же плотно укладывать в бочки, что сделало возможным торговлю на большие расстояния. А с конца XV столетия получил развитие лов трески, на котором специализировались англичане, голландцы и французы. Купцы из Марселя перепродавали значительную часть улова в Италию. Туда же с XVII века напрямую ходили торговать рыбаки из атлантического французского городка Сен-Мало [Бродель (1986), с. 234, 236].

Понятно, что для производства рыбы большое значение имела добыча соли. На этом среди ганзейских городов специализировался Люнебург. В других частях Европы соляные шахты или озера имелись в Величке под Краковом, в Зальцбурге, в Галле, в окрестностях Нанта и других небольших городках. Практически каждая страна имела на своей территории источник соли [Буассонад (2010), с. 211].

Если рыба шла в основном с севера на юг, то поставки вина, оливок и сахара осуществлялись в противоположном направлении. Спрос, предъявляемый крупными северными городами, способствовал экономическому развитию южных регионов, в том числе и тех, которые не имели торгово-ремесленных центров.

Генуэзские торговцы наладили с XIV века экспорт испанских оливок через Севилью. Англия и Фландрия получали вино из Андалусии через этот же порт (недаром шекспировский Фальстаф отдавал дань хересу), а также из

южной Франции через Бордо. В Париж и другие города севера вино транспортировалось по внутренним рекам: например, бургундское — по Йонне. Рейн служил основным связующим звеном для винодельческих регионов северной Италии и многочисленных германских потребителей. А Моравия с Венгрией активно поили Польшу, богатеющую на экспорте зерна [Бродель (1986), с. 253; Рюкуа (2006), с. 162]. Пиво производилось повсюду, где употребляли этот напиток, но некоторые города особо доминировали в пивоварении. Например, Гамбург [Дживелегов (1904), с. 204].

Если перейти от таких крупных товарных потоков, как зерно, мясо, рыба и вино, к отдельным региональным, то следует отметить поставку сыров из Нормандии, Оверни, Турени и Пикардии в Париж, далматинских сыров — в Венецию, сардинских — в Рим, Неаполь и Барселону. С Луары в Париж текла целая река сливочного масла, но значительные поставки шли также из Бретани [Бродель (1986), с. 227, 230]. Сицилия была центром производства сахара, а вскоре к ней присоединился Кипр. Его оккупировали венецианцы, и этот бизнес оказался в руках богатой семьи Корнер [Бродель (1988), с. 181; Goldthwaite (2009), p. 7].

Крупные города в качестве розничных рынков давали возможность развития соседним регионам, специализировавшимся на отдельных продуктах питания. Иногда, как в случае со снабжением Парижа мясом, для осуществления поставок задействовали большую часть страны. А зона обеспечения Лондона доходила до Шотландии на севере и до Ла-Манша на юге [Бродель (1988), с. 24–25].

В развитых странах Европы гастрономическое разнообразие способствовало специализации городов и повышению их доходов. Постепенно за отдельными торговыми центрами закреплялась слава производителя соответствующего продукта. Например, в Италии Болонья славилась колбасами, Модена — фаршированным окороком *цампоне*, Феррара — круглыми пирогами, Реджо — айвовым вареньем *сотогната*, Пьяченца — сырами и чесночными клецками, Сиена — марципанами, Монца — сосисками и рубленным мясом, Кьявенна — фазанами и каштанами, Падуя — хлебом, а приморская Венеция — естественно, рыбой и устрицами. Аналогичным образом во Франции славились перигорские индейки, тулузские и тулонские паштеты, студень из Труа, домбские бекасы, байонская ветчина, вьезонские вареные языки, а также кислая капуста по-страсбургски [Бродель (1986), с. 204–205].

В числе предметов роскоши, на которых специализировались отдельные города и регионы, были не только продукты питания, но и мебель. Понятно, что основное производство мебели осуществлялось на месте ее потребления, поскольку возить столь громоздкий товар было накладно. Однако богатые потребители могли приобретать шкафы и сундуки в Италии, которая являлась в этой сфере очевидным законодателем мод [Бродель (1986),

с. 325]. Нетрудно заметить, например, что мебель эпохи ренессанса сильно напоминает флорентийские палаццо своими гармоничными пропорциями, строгостью форм и скупостью украшений.

Движение товаров по Европе, стимулировавшее создание новых торговых и промышленных центров, дополнялось движением капиталов. С одной стороны, расширение платежеспособного спроса заставляло все большее число европейских бюргеров искать возможность выхода на рынок со своим продуктом. С другой же стороны, успешные предприниматели из тех мест, где рынок уже активно развивался, стремились распространить свое влияние на новые места, нуждавшиеся в приложении капитала и коммерческого опыта.

Одно должно было обязательно дополнять другое, поскольку в традиционном обществе всякие новшества прививаются с большим трудом. Человеку свойственно стремление подзаработать, увеличить размер своей собственности, откликнуться на вызов, который бросает ему рыночное хозяйство, вторгающееся в привычный жизненный уклад. Но в то же время бюргер с трудом принимает качественное изменение образа жизни, требующее осуществления непривычных коммерческих операций. Особенно если они еще и вступают в противоречие со сложившимися религиозными нормами. В этом смысле трудно переоценить значение экспорта капитала из Италии, которое осуществлялось практически одновременно с формированием на Апеннинах крупных торгово-промышленных центров.

Венецианцы, в частности, активно продвигались на Восток, осваивая Далмацию и острова Средиземного моря. Однако на Востоке, в связи с формированием Османской державы и распространением зоны военных действий, коммерческое развитие притормозилось. Поэтому наиболее важным для развития Европы было, наверное, продвижение итальянцев на запад и на север, где коммерческий опыт местного населения был поначалу незначительным.

Например, флорентийская семья Джанфиляцци со второй половины XIII века активно действовала на юго-востоке Франции [Бродель (1988), с. 173]. Впоследствии Медичи имели филиалы в Лондоне, Брюгге, Женеве, Авиньоне, Лионе [Ле Гофф (2010), с. 136]. Лион, город ярмарок и многочисленных ремесел, является детищем итальянских купцов — флорентийцев и генуэзцев [Бродель (2002), с. 293]. Во Франции XVI века насчитывалось 209 товариществ купцов-банкиров, из которых 169 находилось в Лионе. Из них 143 принадлежало итальянцам (главным образом, тосканцам), а 15 — немцам или швейцарцам. Именно в Лионе делал займы Франциск I для ведения войны с Габсбургами [Делуо (2006), с. 265].

Семья делла Файлле инвестировала в Нидерландах, Торриджани — в Нюрнберге и Бреслау, Песталоцци — в Вене, Монтелупе — в Кракове. В Германии нашествие итальянских купцов наблюдается с 1558 г. Примерно

тогда же они проникают в Польшу и оседают не только в Кракове, но и во Львове, Варшаве, Люблине, Сандомире. Основывают кирпичный завод, производят различные ткани. В 1565 г. на территории страны насчитывается до 20 итальянских производств, а дальше их число стремительно возрастает [Бродель (2002), с. 274, 287, 289].

Итальянское влияние постепенно меняло менталитет бюргеров, проживавших к северу от Альп. Например, Якоб Фуггер в значительной степени сформировался во время своей поездки в Венецию [Нетте (2009), р. 20]. А когда сами итальянцы хлынули во Францию, Германию и Польшу, капиталистическая ментальность стала в этих странах массовым явлением.

Немцы, в свою очередь, несли бюргерскую культуру на северные и восточные земли посредством интенсивной колонизации. Она могла происходить как по обоюдному согласию (например, в Чехии или Польше, где монархи приглашали торговцев и ремесленников заселять города), так и насильственным образом (на землях ободритов, пруссов, балтийских народов). Похожим образом обстояло дело в Британии, где английское влияние распространялось на кельтские области — Уэльс, Шотландию, Ирландию [Бартлетт (2007), с. 199–202, 211–216]. Вне зависимости от степени жесткости колонизации этот процесс объективно способствовал вовлечению удаленных регионов в единую хозяйственную систему.

Российский угол

По мере продвижения экономики к дальним окраинам Европы интенсивность хозяйственных связей естественным образом затухала. Импульс, возникавший в северной Италии, плохо доходил до некоторых регионов, поскольку на большом расстоянии уже не было смысла создавать масштабные производства, обслуживавшие европейский центр. Слишком значимы были транспортные проблемы для той эпохи, когда эффективно передвигаться можно было лишь по воде.

С некоторой долей условности мы можем, следуя за логикой Фернана Броделя и Иммануэля Валлерстайна [Бродель (1992), с. 32–51, 121–122; Валлерстайн (2001), с. 35–38; Валлерстайн (2006), с. 74], представить экономику Европы в виде единой системы, состоящей из трех концентрических кругов. Внутри находится торгово-ремесленный центр: северная Италия, южная и рейнская Германия, ганзейские города, Фландрия, большая часть французских регионов. Следующий круг — это аграрно-сырьевая база, регулярно обслуживающая центр: зерновые районы Польши, Тевтонского ордена, Апулии, Сицилии; овцеводство Англии, Кастилии и Кампани; горнодобывающая промышленность Венгрии, Богемии и Швеции; рыболовная

зона, расположенная по берегам Балтийского моря. И наконец, внешний круг включает в себя регионы, которые могли поставлять в европейский центр лишь отдельные товары, а потому были слабо привязаны к основным хозяйственным зонам. Регионы внешнего круга располагались на окраинах Европы: юг Португалии, испанская Галисия, Верхний Арагон, Бретань, Корсика, Ирландия, Шотландия, Исландия, большая часть Скандинавии, Литва и восточная часть Балкан.

В этот же внешний круг входили и русские земли, отделенные от западной части Европы не только огромными расстояниями и плохими дорогами, но также расколом христианства, после которого все, что происходило в землях «латинской веры», воспринималось у нас с подозрением. В частности, на православных землях невозможна была добровольная немецкая колонизация (как, скажем, в Праге или Кракове), а насильственная получала востенный отпор.

Знаменитый торговый путь из варяг в греки, вдоль которого формировалась Киевская Русь, бесспорно, имел важное торговое значение. Но он связывал север и юг, Скандинавию и Византию. Хозяйственный импульс, идущий из северной Италии, Германии и Фландрии по этому пути на Русь прийти не мог.

О том, как Киевская Русь была экономически связана с Западом, мы знаем мало. Если не считать генуэзской торговли славянскими рабами, осуществлявшейся через Крым, то, возможно, главным связующим центром был Регенсбург в Южной Германии. Он представлял собой базу купцов, известных как «рузарии». Регенсбург некоторое время был западно-европейским центром меховой торговли. Дунай связывал Западную Европу с Русью то ли через Прагу и Краков, то ли через Венгрию, карпатские перевалы и Перемышль [Франклин, Шепард (2000), с. 469; Назаренко (2001), с. 102; Кулишер (2008), с. 114–115]. Однако по мере того, как южно-русские земли пустели, значение данного канала торговли сокращалось. Не исключено, что именно это стало причиной, по которой Регенсбург начал испытывать финансовые трудности к концу XV века, т. е. к тому времени, когда соседние Аугсбург и Нюрнберг, наоборот, принялись интенсивно развиваться.

Существует, правда, точка зрения, отстаиваемая Борисом Кагарлицким, согласно которой Киевская Русь интенсивно развивалась без всякого импульса, идущего с Запада. Более того, благодаря торговле из варяг в греки она была урбанизированным регионом на фоне отстающей Западной Европы [Кагарлицкий (2012), с. 42–68]. Однако убедительных доказательств своих выводов автор не приводит.

То, что скандинавы называли Русь Гардарикой — страной городов, ни о чем не говорит. В сравнении с периферийной Скандинавией она, конечно, была таковой. Торговля шла, ремесло развивалось, города появлялись, но

нет никаких оснований считать, что процессы шли быстрее, чем на Западе. Более того, судить об экономическом развитии только по числу городов невозможно, поскольку многие из них являлись фактически лишь крепостями, а не купеческо-ремесленными центрами. Ну и совсем странной выглядит ссылка Кагарлицкого на слова арабских путешественников о том, что, по крайней мере, треть народа на Руси занимается «исключительно международной торговлей» [Кагарлицкий (2012), с. 61]. Непонятно, как могли путешественники вычленивать эту треть из разбросанного по диким лесам огромного славянского и финского населения. Наверняка речь у них шла о том, что в городах около трети связано с торговлей, а остальные — с ремеслом или военным делом. Но этот вывод ничего не говорит нам о масштабах урбанизации.

Скорее всего, урбанизация в различных уголках Европы по большей части зависела от импульсов, идущих из наиболее развитого центра, и в этом смысле положение русских земель было неудачным. В предыдущем докладе шла речь о том, что развитие городов у нас сильно тормозилось набегами. Теперь к этому можно добавить, что для серьезной урбанизации и связанного с ней развития бюргерской культуры на Руси не имелось достаточных внутренних стимулов.

После пресечения дунайской «торговой линии» у нас оставалось лишь два способа организации коммерческих контактов с внешним миром, адекватных состоянию дорог той эпохи: по Волге и Каспию — с Востоком, либо по Балтике — с северной Германией (связи с Англией через Баренцево море возникли лишь в середине XVI века). Как бы мы ни оценивали значение восточной торговли для Руси, следует констатировать, что она столкнулась с серьезной проблемой, о которой шла речь в предыдущем докладе. Именно Нижний Новгород — крупнейший волжский торговый центр — подвергался наряду с Рязанью наиболее частым и разрушительным набегам. Соответственно, для нормального, стабильного развития оставалась лишь Балтика. Новгород Великий, Псков, Смоленск, Полоцк и Витебск, с одной стороны, находились в стороне от зоны регулярных набегов, а с другой — имели непосредственные торговые связи с ганзейскими городами.

Во Флоренции в Палаццо Веккио в одном из залов представлена любопытная географическая карта Европы. Там на границе с русскими землями располагается «Великое герцогство Новгородское», а затем следует надпись типа «На Москву — туда» и никаких населенных пунктов. Похожее представление о русских землях демонстрирует нюрнбергская хроника того же времени. В ней отмечается, что великий князь Иван живет «по ту сторону Новгорода» [Пронштейн (1957), с. 134]. Словом, Запад знал лишь тех, с кем торговал. Для европейского бизнеса Московия оставалась темным, глухим

лесом, куда не проникают капиталы, а товары, возможно, и проникают, но только при посредничестве новгородцев.

Впрочем, значение Новгорода тоже не стоит переоценивать, поскольку он сильно зависел от западных гостей. Сначала там обосновались купцы из Висбю, но потом доминирование в торговле перешло к Любеку, главе Ганзейского союза [Ключевский (1988), с. 61]. О том, как строились торговые связи, наглядно показывает нам кусок деревянной скамьи (1450–1475 гг.) из кафедрального собора Любека. Резная доска экспонируется сегодня в Клостере св. Анны — важнейшем музее этого ганзейского города. На доске изображен русский торговец мехами, который демонстрирует местным покупателям то ли белку, то ли куницу. Вид у мужика слегка удивленный, даже пришибленный: мол, чем богаты, тем и рады.

У русских городов имелось мало продукции, которой можно было бы прельстить иностранных покупателей, и это ограничивало продвижение товарно-денежных отношений с Запада на Восток. «Сравнение экспортных и импортных товаров дает некоторое основание для вывода об относительной отсталости русской экономики изучаемого времени», — сделала вывод А.Л. Хорошкевич, ведущий специалист по новгородской торговле XIV–XV веков [Хорошкевич (1963), с. 337].

Главный предмет вывоза из Новгорода составляли меха и воск. Псков, Смоленск и Полоцк большей частью специализировались на воске. В торговле мехом вплоть до конца XV века доминировала белка. Другие сорта пушнины — куницу, соболя, горностаю — вывозили мало. Совсем незначителен был экспорт бобра. Кожи стали вывозить лишь с XV века, лен и коноплю — не раньше XVI. Об экспорте зерна даже речи не было: северные русские города свой хлеб сами закупали на стороне — в южных городах или в Ганзе. А самой главной проблемой нашего отечественного производителя являлось то, что новгородцы могли поставлять на Запад лишь необработанные шкурки. Шубы и шапки не вывозились, что, понятно, существенным образом снижало доходы от экспортной торговли. Правда, как отмечает Хорошкевич, иногда экспортировали готовую обувь [Бережков (1879), с. 97; Хорошкевич (1963), с. 75, 87, 93, 97, 156–157; Власов, Элькин (2011), с. 181].

Не могли поставлять новгородцы на Запад и соленую рыбу. И это притом, что северная Русь была рыбой богата. Причина — слабое (несмотря на традиционный промысел, существовавший в Старой Руссе) развитие солеварения и, соответственно, недостаток соли, которую новгородцам приходилось даже импортировать из Любека и Данцига [Бережков (1879), с. 163; Никитский (2011), с. 164].

Несмотря на это, надо заметить, что роль одних только мехов как товара была велика. Если судить по многочисленным портретам в германских музеях, то богатые люди (аристократы и купцы) конца XV — первой половины

XVI века неизменно изображаются с густыми меховыми воротниками. Однако существенной проблемой для новгородской торговли было явное доминирование в коммерции немецких, а не русских купцов. Немцы имели в Новгороде свой двор, закупали на месте товары, а затем перевозили на Запад, где цены были значительно выше.

В отличие от ганзейцев, у новгородских купцов отсутствовал свой торговый флот, что, естественно, лишало русских значительной части доходов. Новгород не имел непосредственного выхода к морю и, соответственно, зависел от немецких судовладельцев. Правда, ганзейские корабли, предназначенные для хождения по морю, не могли проходить в верховья Волхова. В итоге товары должны были какое-то время транспортироваться по суше и затем лишь перегружаться на суда немецких купцов. Другим вариантом транспортировки становилось использование услуг новгородских лодочников, которые перегружали товары на ганзейские корабли в нижнем течении Волхова или же на Неве [Бережков (1879), с. 151–153; Никитский (2011), с. 144]. В любом случае новгородцы были «на подхвате» и, по всей видимости, львиную долю торговых прибылей оставляли ганзейцам.

Главным портом, через который немцы торговали с Новгородом, был Ревель. Использовалось также направление через Дерпт, Ригу и литовское побережье [Хорошкевич (1963), с. 111]. Смоленск, Полоцк и Витебск торговали с Ригой по Двине [Бережков (1879), с. 93–98; Кулишер (2008), с. 172]. Таким образом, помимо любекских купцов восточная торговля была еще выгодной для бюргеров Балтии.

Однако, как можно видеть хотя бы по любекской доске, русские купцы тоже проникали в немецчину. Для этого, правда, приходилось идти на всякого рода хитрости. «Несмотря на запрещение принимать на Немецкие суда Новгородские товары, — отмечал А.И. Никитский, — между Немецкими мореходами часто встречались лица, готовые за хороший барыш фрахтовать и возить морем новгородских гостей, особенно в те края, где, как например, в Прусских городах, давление торговых ограничений было гораздо слабее» [Никитский (2011), с. 141].

И без того далеко не блестящая торговля новгородцев и псковичей с Западом становилась еще меньше в ситуации конфликтов. А таковые время от времени возникали. Например, Псков понес большие экономические потери после 1494 г., когда оборвал связи со всеми ганзейскими городами, кроме Дерпта и Нарвы. А в 1501 г. поссорился еще и с Дерптом [Аракчеев (2004), с. 23–24].

Конфликты стимулировались взаимными обидами, арестом гостей, конфискациями имущества, а также мошенничеством. Как-то раз в большом куске воска, купленном любекским купцом в Новгороде, обнаружился булыжник с привязанными к нему мочалом двумя кирпичами, которые вместе

потянули на 76,5 фунтов. Не следует, впрочем, думать, что это был чисто русский бизнес. Ганзейцы вели себя примерно так же, хотя мошенничество всегда содержало в себе «национальную специфику». В бочках с соленой рыбой, которую приобретали новгородцы, сверху лежали крупные сельди, а вот ниже, порой мелкие и иногда ближе ко дну, — откровенная дрянь [Zimern (1889), p. 125; Никитский (2011), с. 173–174;].

Главным следствием ограниченных возможностей русской торговли со странами Запада было медленное развитие товарно-денежных отношений, или, точнее, дефицит золота и серебра. Сделки носили, порой, бартерный характер. Например, за воск или меха немцы расплачивались медью или солью. В итоге деньги не оседали в Новгороде. «Как недостаточно было количество золота и серебра в древней Руси, всего яснее видно из Смоленского договора 1227 г. с Ригой и Готландом. В этом договоре постановляется именно, что Немецкий гость при покупке благородных металлов должен был давать весовщику некоторую пошлину, а в случае продажи их совсем освобождался от последней, и что при уплате серебром в пользу купца делалась уступка» [Никитский (2011), с. 152–153].

С XV века новгородская торговля стала испытывать новые трудности. Появилась конкуренция со стороны шведов. Немецкие товары вместо Новгорода стали прямо направляться в Выборг и Або (Турку). В итоге новгородская контора начинает пустеть, число посещающих ее купцов — уменьшаться, а доходы, поддерживавшие ее существование — сокращаться [Никитский (2011), с. 257].

Таким образом, получается, что ограниченные возможности русской торговли со странами Запада, серьезно тормозили развитие коммерческой деятельности. Масштабы операций были несопоставимы с теми, которые осуществлялись в Италии, Германии, Фландрии. Русь испытывала нехватку золота и серебра. В Западной Европе XII—XIII веков существовали десятки, если не сотни мастерских по чеканке монеты — в Италии, Германии, Франции, Англии, Нидерландах Испании, Венгрии [Ле Гофф (2010), с. 57–58, 118–120]. На Руси только в конце XIV столетия Дмитрий Донской стал перечеканивать татарскую деньги.

Дефицит денег соответственно сказывался на общей организации жизни. Те процессы, которые на Западе постепенно монетизировались, у нас вынужденно шли совершенно иным путем. Следствия из этого принципиально важного для нас вывода будут представлены в третьем докладе.

Впрочем, не следует думать, будто русские земли находились в самом плохом положении среди европейских земель. В своем «круге» они даже порой имели преимущества. Скажем, Берген, из которого ганзейцы вывозили рыбу, во многом был похож на Новгород, экспортирующий мех. Однако в отличие от русского города, имевшего альтернативные варианты закупки

хлеба, норвежский полностью зависел от поставок Ганзы. Зерновая блокада, осуществленная в 1284–1285 гг., вынудила Берген пойти на максимально льготные для Ганзы условия торговли. Норвежский «бизнес» часто состоял в том, чтобы брать муку в кредит у ганзейцев, а затем менять ее на рыбу у финских племен без использования денег. Профессиональными купцами в Бергене были преимущественно иностранцы — немцы и англичане, тогда как в Новгороде и Пскове было все же немало своих богатых семей [Гуревич и др. (1980), с. 166–167; Бродель (1992), с. 100; Кулишер (2008), с. 125].

Периферийность региона сама по себе еще не определяла всех возможностей модернизации, как показывает, скажем, сегодняшнее развитие Норвегии. Характер движения вперед определялся сложным сочетанием обстоятельств. «Стартовые условия» были важным моментом, но далеко не единственным.

«Прихватализация» собственности и рентоориентированное поведение

Рост экономики и развитие городов быстро меняли Европу. При этом преобразования, распространявшиеся из находившегося в северной Италии центра, шли волной в разные стороны, постепенно затухая на отдаленных расстояниях. На первый взгляд может возникнуть представление, будто это движение породило модернизацию, тем самым на века разделив передовые регионы и отсталые. Однако на самом деле формировавшаяся с ростом городов экономика Запада качественным образом отличалась от современной. Движение, начавшееся в Средние века, было лишь подготовкой к модернизации. До настоящей модернизации еще надо было пройти весьма долгий путь. Этот момент крайне важно подчеркнуть, поскольку идеализированное представление о масштабах развития Запада создает совершенно превратное представление о глубине отсталости Востока.

По имеющимся историко-статистическим оценкам, даже к XV столетию Запад в среднем еще отставал от ведущих стран Востока, в частности от Китая. Возможно, паритет был достигнут во второй половине XVI века [Мельянцева (1996), с. 96]. Но в любом случае для той эпохи нельзя говорить о доминировании Европы. И это ставит перед нами вопрос о причинах торможения.

Главной проблемой экономики того времени оставалась незащищенность собственности. И даже более того — отсутствие в обществе современных представлений о собственности, о том, что имущество принадлежит определенному лицу и не может быть у него изъято ради каких-либо «высших» целей. Можно выделить целый ряд проблем, с которыми сталки-

вался собственник. Все они в той или иной степени подрывали развитие экономики, делали невозможным ведение бизнеса дальше определенных границ.

Первой проблемой, беспокоящей всякого собственника при отсутствии эффективно функционирующего государства, являются грабежи со стороны каждого, кто обладает возможностью насилия. Вот, например, что писал один современник о Франции конца XI века: «Королевство — добыча смут и постоянных войн. Только и слышно о грабежах и убийствах на дорогах». Ему вторит другой свидетель: «Для собственности теперь не существует никаких гарантий; всякий, кто слывет богатым, находится в опасности попасть в оковы и подвергнуться страшным истязаниям. Города и укрепления не свободны от насилий; городские улицы и площади не безопасны от убийц» [цит. по: Смирнов (2012), с. 25].

Воровали на улицах, воровали на проезжих дорогах, воровали на берегах морей и заливов. Присвоение имущества, выброшенного на берег после кораблекрушения («береговое право»), — долгое время оно считалось законной добычей того, кто эти вещи обнаружил. Естественно, для развития морской торговли, являвшейся основой коммерции позднего средневековья, это было очень плохо [Zimmern (1889), p. 28].

В Бретани порой береговое право превращалось в маленький бандитский бизнес. Ушлые «предприниматели» искали подходящую скалу, соорудили на ней ложный маяк, после чего наутро оставалось лишь собрать с берега выброшенные волнами товары лохов, купившихся на приманку [Дживелегов (1904), с. 104].

Средние века, которые иногда воспринимаются как эпоха благородства и рыцарского поведения, скорее представляли собой времена дикой охоты на слабого. Хотя в отличие от эпохи набегов «охотниками» выступали лишь отдельные «джентльмены удачи», порой призываемые к порядку государством.

Вот, например, ситуация во французском городе Лан конца XI века. «Дворяне и их слуги с оружием в руках грабили горожан. По улицам ходить было небезопасно ни днем, ни ночью; нельзя было выйти из дому, не рискуя быть захваченным, ограбленным и даже убитым. Граждане, в свою очередь, по примеру высших классов, нападали на крестьян, приходивших в город что-нибудь купить или продать на рынке. Под различными предложениями они заводили их к себе в дома и там задерживали до тех пор, пока те не соглашались заплатить выкуп за свою свободу. И при этом они брали пример с сеньоров, запиравших жителей в своих крепостях или замках и требовавших с них выкупа» [Тьерри (2011), с. 55–56].

Сохранился любопытный документ XII века — завещание графа Руссильонского. Это длинный список тех, кого он за свою жизнь обокрал, с указанием конкретных сумм, завещаемых страдальцам. По всей видимости, лишь

перед смертью граф задумался о ждущих его муках ада. Но что там граф, когда подобным же образом вел себя сам герцог Бургундский Гуго III, постоянно грабивший французских и фламандских купцов, проезжавших через его владения [Люшер (1999), с. 228–229].

Часто взаимоотношения баронов с купцами принимали форму открытого рэкета. Купцам навязывался вооруженный конвой. Если же они не хотели раскошелиться, их грабил сам барон [Дживелегов (1904), с. 103].

«Грабеж не позор!» — такая поговорка бытовала в среде германского дворянства [Шерр (2005), с. 280]. Однако порой дворяне демонстрировали свое специфическое «благородство», объясняя причины разбоя. Например, владелец замка в Пфальце ограбил миланского купца, проезжавшего мимо, и аргументировал это тем, что германский император ему должен. А графы Монфорские информировали Венецию о том, что отнимают сукно у купцов, проезжавших по Боденскому озеру, не из грабительских целей, а в связи с острой нехваткой средств. И готовы даже «понести убытки», вернув товар за умеренный выкуп, хотя при продаже на рынке могли бы выручить большую сумму [Кулишер (1926), с. 195–196].

Бессилие власти, желавшей порой остановить произвол, нашло свое курьезное выражение в «мудром» решении Карла V Мудрого, который позволил крестьянам бить королевских чиновников, стремившихся бесплатно забирать телеги и сено для государственных надобностей [Буассонад (2010), с. 318]. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Даже в крупных торгово-ремесленных центрах Европы дело обстоит не лучше. Вот слова Макиавелли о его родной Флоренции: «Каждодневно совершались убийства или другие насилия, тех же, кто это творил, невозможно было покарать, так как они являлись любимчиками того или иного нобиля» [Макьявелли (1987), с. 61]. Подобные замечания непрерывно встречаются в его «Истории Флоренции». Неудивительно, что во многих итальянских городах (Милане, Болонье, Пизе, Парме, Вероне, а также в немецком Регенсбурге, французских Тулузе и Авиньоне) из-за разбоя богатые жители примерно с середины XII века воздвигали дома с мощными башнями, где можно было отсидеться при осаде. Вокруг башен формировались кварталы, населенные родственниками и клиентами влиятельных лиц. А над домами порой проходили эстакады, связывавшие укрепленные центры между собой [Осборн (2008), с. 284]. Во Флоренции башни позднее были снесены, но их основания можно легко разглядеть в старых кварталах. В Сан-Джиминьяно башни сохранились и по сей день, наглядно демонстрируя опасности жизни средневековья.

В северных европейских городах подобных башен не строили, но там также проблема внутренних конфликтов считалась чрезвычайно актуаль-

ной. Недаром надпись на Хольстенор — главных воротах Любека — гласит: «Согласие внутри, мир снаружи» (“Cocordia Domi Foris Pax”).

По мере укрепления средневекового государства проблема грабежей становилась менее актуальной. Однако на смену ей приходила другая.

Второй серьезной проблемой собственника являлась официальная конфискация, которой легко могло быть подвергнуто его имущество. Более того, феодальный характер отношений в принципе делал условным само представление о собственности как о частной. В понятие «конфискация», наверное, даже нельзя вкладывать наш современный смысл, поскольку Средние века считали нормальным изъятие имущества, совершаемое вышестоящим в иерархии лицом при определенных обстоятельствах. Думается, что даже город не мог оставаться в стороне от подобной практики, распространенной в системе отношений «сеньор — вассал».

Формально права вассала, казалось бы, были оговорены соответствующим договором. Однако из этого не следовало, что обязательства сторон всегда соблюдались. Сильный легко мог их нарушить. Как отмечал мемуарист XV века Филипп де Коммин, могущественные люди в отношении своих вассалов «действуют прямо. Скажут: “Ты не повинешься и нарушаешь оммаж, который принес мне”, и затем, если могут — а за ними такое дело не станет, — отнимут силой его имущество и пустят по миру» [де Коммин (1986), с. 209].

Известный французский историк Жак Ле Гофф отмечал: «Собственность, как материальная или психологическая реальность, была почти неизвестна в средние века. От крестьянина до сеньора каждый индивид, каждая семья имели лишь более или менее широкие права условной, временной собственности, узуфрукта. Каждый человек не только имел над собой господина или кого-то, обладающего более мощным правом, кто мог насильно лишить его земли, но и само право признавало за сеньором легальную возможность отнять у серва или вассала его земельное имущество при условии предоставления ему эквивалента, подчас очень удаленного от изъятого» [Ле Гофф (1992), с. 126–127].

В отличие от Ле Гоффа, американский экономист Г. Кларк полагает, что в средневековой Англии большинство жителей «могло не опасаться посягательств ни на свою личность, ни на собственность. Рынки товаров, труда, капитала и даже земли в целом были свободными» [Кларк (2012), с. 213]. Однако этот вывод противоречит многим фактам, которые приводятся ниже.

Можно выделить два основных типа конфискаций.

Самым массовым являлось изъятие собственности у политических противников. Поскольку в Средние века конфликты между монархами и церковью, между сеньорами и вассалами, между отдельными землевладельцами, между соперничающими городскими кланами были обычным, будничным

делом, конфискация имущества проигравшей стороны становилась не исключением из правила, а, скорее, правилом организации жизни. Вряд ли мог кто-то формировать долгосрочные планы экономического развития без учета того, что в любой момент собственность можно было потерять из-за неблагоприятной политической конъюнктуры.

Первые случаи массовых конфискаций относятся к эпохе завоевания королевств. Например, в XI веке, когда Вильгельм завоеватель покорил Англию, более 4 тыс. танов утратили свои земли и были заменены группой менее чем из 200 баронов [Морган (2008), с. 112]. Точно также вел себя в это же время Робер Гвискар. Завоевывая южную Италию, он конфисковывал земли у старой знати. А когда в XIII столетии туда пришла анжуйская династия, новый король Карл I «экспроприировал экспроприаторов» [Сказкин и др. (1970), с. 158, 190]. При этом на Британских островах конфискация продолжала та же самая власть. Во второй половине XVI века английская корона провела массовое изъятие ирландских земель: в Ленстере (1557 г.), в Ольстере (1572–1573 гг.), в Манстере (1586 г.) и снова в Ольстере (1607 г.). А во время английской революции к этой же практике прибегнул парламент [Гольман (1980), с. 59–68, 90, 108–109].

В устоявшихся государствах конфискации не были, естественно, столь массовыми, но иногда приводили к ликвидации крупных состояний. В начале XIV века Филипп Красивый нанес удар по могущественному и очень богатому Ордену тамплиеров. Под давлением французского короля папа распустил Храмовников, а имущество Ордена передал госпитальерам. Но при этом долгое время богатства тамплиеров находились под контролем Франции, а потому трудно усомниться в том, что сильно нуждавшийся в деньгах Филипп получил определенную выгоду от проведенной операции [Маркаль (2008), с. 287–288].

Одновременно с этой историей происходит конфискация имущества сиенских Буонсиньори во Франции Филиппом Красивым и в Англии папой Климентом V [Гуковский (1990), с. 106]. В XV веке во Франции было конфисковано имущество крупнейшего предпринимателя Жака Кера [Дживелегов (1904), с. 176]. С конфискации принадлежавшего заговорщику замка Амбуаз в 1434 г. началась история знаменитых королевских шато на Луаре [Клулас (2006), с. 34]. В 1483 г. в Пскове во время восстания победившая сторона конфисковала имущество четырех посадников [Кафенгауз (1969), с. 74]. И подобных примеров сотни.

Для конфискации придумывались самые разные поводы. Например, в Англии существовала практика, при которой вдовья королева могла выходить замуж только за равного ей по происхождению и социальному статусу. Мезальянс же воспринимался как оскорбление короны и карался конфискацией всех земель и владений молодожена. От этого, в частности, пострадал

Оуэн Тюдор — основатель будущей династии, — когда женился на Екатерине Валуа — вдове Генриха V. Правда, при перемене политической конъюнктуры, когда конфисковывали имения у Ричарда Йоркского, Тюдор с братом, наоборот, обогатились. Им достались земли и замки репрессированного герцога [Гриффитс, Томас (1997), с. 52, 59, 90–91].

Еще более жестко обходились англичане с имуществом иностранцев. Самый яркий пример — высочайше поощряемое пиратство. Капитан Френсис Дрейк был посвящен Елизаветой I в рыцари за то, что захватил испанский корабль с сокровищами, транспортируемыми из Америки. Стоимость груза, привезенного Дрейком, в два раз превышала годовые доходы королевской казны [Данн (2011), с. 57].

В самоуправляемых городах бюргеры, естественно, выстраивали систему защиты от разного рода злоупотреблений. Но даже здесь в качестве основного вида наказания использовалась конфискация. Если, скажем, в Амьене человек уклонялся от суда, дом его подвергался разрушению, виновный отправлялся в изгнание, а имущество предоставлялось в распоряжение мэра и графского прево. Если же по суду признавалась вина горожанина, то он опять-таки расплачивался имуществом — в лучшем случае штрафом, в худшем конфискацией [Смирнов (2012), с. 60–64].

Иногда для захвата чужого имущества использовались сравнительно сложные методы, в чем-то напоминающие нашу знаменитую историю с Ходорковским. Козимо Медичи во Флоренции середины XV века так контролировал уплату налогов своими земляками, что некоторые из них были вынуждены бежать из города, после чего их имущество скупалось по бросовым ценам [Стратерн (2010), с. 99].

Особенно тяжело приходилось в городах чужакам. Их имущество страдало в первую очередь. Более того, известны случаи, когда крупные города специально подрывали бизнес своих маленьких конкурентов. Так было, например, во Фландрии середины XIV века. Бюргеры Гента уничтожили суконную промышленность Термонда, а жители Ипра — расправились с Поперингом. Сделали это они, правда, на свою беду, поскольку ремесленники из малых городов бежали в Англию и, передав англичанам свой производственный опыт в обработке шерсти, породили сильного конкурента для фламандских городов. Фактически именно после этой истории (со второй половины XIV века) англичане стали экспортировать больше готовых тканей и меньше сырья [Пиренн (2001), с. 440; Маркова (2011), с. 28].

Русские обычаи конфискации ничем не отличались от западно-европейских. Как-то раз в конце XV столетия в Остзейском крае немцы поймали двух русских. Один виноват был в изготовлении фальшивой монеты, второй совершил содомский грех. Соответственно первый, по Любекскому праву, был сварен живьем, другой — сожжен. Москва тут же подготовила на это

асимметричный ответ. Не имея возможности наказать Остзейский край, московские власти прошлись по ганзейскому купечеству. Все гости, находившиеся в этот момент в Новгороде, были подвергнуты аресту. Товар, принадлежавший купцам, был конфискован, немецкий двор закрыт, церковное имущество и принадлежности двора задержаны.

Немецкая сторона, естественно, тоже не церемонилась с новгородцами и псковичами. В 1501 г. в Дерпте арестовали более 200 человек, имущество их разграбили, а самих разослали по городам в заключение [Никитский (2011), с. 287–288].

В России, как и в западных странах, при конфискации страдала семья репрессированного, хотя обычно на жене и детях никакой вины не было. Похоже, что стремление властей забрать чужое имущество часто было важнее разбирательства дела как такового и вынесения наказания непосредственному виновнику. Характерна в этой связи присяга, данная царем Василием Шуйским: «У гостей и у торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок и животов не отнимать, будет с ними они в той вине невинны» [цит. по: Покровский (2010), с. 97]. Сразу видно, что волновало купцов начала XVII века в отношениях с властью.

Другая причина распространения конфискаций может быть условно названа идеологической. На самом деле, важнейшим мотивом изъятия чужого имущества было, как и в предыдущем случае, стремление сильной стороны конфликта к обогащению. Однако мотивация становилась иной. Слабая сторона обвинялась не в государственной измене, а в том, что она вообще не имеет права на существование в соответствии со сложившимися в обществе представлениями. Понятно, что представления эти в то время имели, прежде всего, религиозный характер.

В XII–XIV столетиях крупнейшие изъятия собственности мотивировались тем, что «виновный» является еретиком. Внешней, наиболее трагической и впечатляющей стороной инквизиции был, конечно, костер, на котором сжигали людей, отправших от «истинной веры». Но за этой внешней стороной скрывалась проза жизни, которая, возможно, более интенсивно влияла на суть проходивших в обществе процессов. Репрессированный полностью лишался имущества, причем его ни в чем не повинная семья лишалась возможности наследования. Инквизиция не только наказывала за неправильные мысли, но и служила важнейшим механизмом перераспределения собственности в пользу государства, церкви и непосредственных организаторов убийств.

Первым из тех, кто предписал конфискацию имущества еретиков, был сицилийский король Рожер, правивший в первой половине XII века. А дальше церковь быстро подхватила чрезвычайно выгодную ей инициативу.

Большой Турский собор, собравшийся в 1163 г. под председательством папы Александра III, предписал всем светским князьям заключать еретиков в тюрьму, а имущество конфисковывать. А через некоторое время Иннокентий III отметил, что даже имущества еретиков, отрекающихся от ереси, не будут возвращены им. Таким образом, изъятие частной собственности стало не просто инициативой отдельных лиц, а сложившейся и фактически узаконенной по всей Европе практикой. По инициативе отдельных монархов эта практика могла еще усугубляться. Скажем, французский король Людовик Святой предписал, чтобы конфисковывалось имущество не только тех, кто присужден к тюрьме, но и тех, кто не явился по вызову или укрывал в своем доме еретика [Ли (1999), с. 1162–1163, 1171].

Жена-католичка, согласно рекомендациям римского престола, имела право сохранить свое приданое, однако Людовик Святой допускал это лишь в том случае, когда она не знала о ереси мужа или если, узнав о нем, быстро доносила органам инквизиции. Причем даже сохранив приданое, женщина не могла завещать его детям: после ее смерти все уходило государству [Ли (1999), с. 1173].

Впрочем, как правило, споры вызывал не вопрос о том, следует ли отнимать имущество, и даже не вопрос, следует ли принимать во внимание права невинных детей еретика. Спорили о том, кому в большей степени должно доставаться имущество. Во Франции, например, собственность переходила к государству, тогда как в Италии римскому папе удалось добиться получения части имущества еретика даже в том случае, если дело происходило за границами его владений. В Испании было принято за правило, что если еретик являлся лицом духовного звания или светским вассалом церкви, то именно церковь получала его конфискованное имущество; в противном случае оно поступало светскому сеньору. В Германии, правда, Вормский рейхстаг 1321 г. оказался сравнительно либерален. Он установил, что аллоды и личное имущество осужденного поступают его наследникам, тогда как ленные владения отходят суверену. Но уже в 1369 г. император Карл IV позаботился о том, чтобы треть конфискованного имущества уходила в распоряжение инквизиторов [Ли (1999), с. 1162–1170, 1178].

Присвоение чужого имущества оказалось столь важным для государства и инквизиторов делом, что обычно никто не сомневался в исходе процесса. Конфискация часто производилась еще до вынесения приговора, поскольку исполнители понимали: милосердие слишком убыточно, чтобы суд на него пошел. Во Франции был случай, когда человека осудили в 1319 г., но уже в 1301 г. за обладание его замком спорили местный граф и королевские чиновники [Ли (1999), с. 1162–1185].

Известный исследователь инквизиции Генри Чарльз Ли пришел, проанализировав все эти истории, к чрезвычайно важному выводу: «Нельзя

было поручиться ни за одну сделку. Ни один заимодавец, ни один покупатель не мог быть уверен в правоте того лица, с которым имел дело. <...> Почти неограниченное право возбуждать процессы против умерших через много лет мешало всякому быть уверенным в завтрашнем дне и спокойно пользоваться своим благоприобретенным или унаследованным имуществом. <...> И это в ту эпоху, когда промышленность и торговля в Европе только еще начали развиваться» [Ли (1999), с. 1191, 1194].

Можно отметить ряд крупных конфискационных кампаний идеологического свойства в истории Средних веков и раннего Нового времени. Первая, по всей видимости, была развернута в ходе альбигойских войн. На Латеранском соборе 1215 г. папа принял решение передать земли графа Тулузского Симону де Монфору, пришедшему покарать еретиков-катаров. Причем он, как вассал, должен был держать? их от французского короля [Мадоль (2000), с. 149; Каратини (2010), с. 194].

Другим направлением идеологической кампании по конфискации стали гонения на евреев. Уже в июле 1290 г. английский король Эдуард издал указ о выселении евреев из страны, причем им дан был срок лишь до ноября, для того чтобы продать имущество и окончить дела. Большинство изгнанников направилось во Францию, но в 1306 г. Филипп Красивый приказал объявить всем евреям об их выселении в месячный срок. Изгнанникам дозволялось брать лишь одежду и съестные припасы, оставляя остальное имущество королю. Через несколько лет Людовик X разрешил евреям вернуться, но в 1394 г. Карлом VI они были изгнаны окончательно [Дубнов (1911), с. 60–61]. Ключевым направлением миграции стала Испания.

В 1492 г. евреев выселили и оттуда, причем опять осуществлялась экстрадиция таким способом, что фактически невозможно было сохранить большую часть имущества. Она либо терялась, либо распродавалась за бесценок. На то, чтобы покинуть Испанию, евреям предоставлялось четыре месяца, при этом им запрещалось вывозить золото и деньги. Можно было воспользоваться векселями, по которым осуществлялась оплата за границей, но христианские банкиры предлагали евреям бумаги на предельно невыгодных условиях, понимая, что те уже никуда не денутся. Похожим образом обстояло дело с продажей недвижимости. Многие покупатели тянули до последнего момента и заявляли о готовности купить дом, лишь когда цена опускалась до предела [Перес (2012), с. 80–81].

Еврей мог уклониться от преследования, совершив переход в христианство. Формально преследование осуществлялось не по этническому принципу, а по религиозному. Однако исследование, осуществленное на материалах города Сьюдад-Реала, показало, что спастись от «наездов» было чрезвычайно трудно, причем богатым и влиятельным евреям труднее всего. Они имели много врагов и, соответственно, страдали от доносов со стороны

тех, кто хотел отомстить, а также со стороны христиан-конкурентов и лиц, надеявшихся нажиться на имуществе репрессированных. Если конверсо (обращенного еврея) подозревали в тайном пристрастии к старой вере, конфискации имущества было не избежать. Самый богатый конверсо в городе Санчо де Сьюдад купил парусник и попытался бежать на нем в Валенсию, но после того как ветер пригнал его обратно, бизнесмен был схвачен инквизицией и сожжен [Джонсон (2001), с. 261–262].

Конечно, мысль В. Зомбарта о том, что капиталистическая жизнь в стране исчезает, когда из нее уходят евреи, является явным преувеличением [Зомбарт (1910), с. 22], но все же следует признать, что испанская инквизиционная история не могла не сказаться на развитии экономики. В частности, упадок Барселоны, которая в период раннего средневековья могла даже в какой-то мере соперничать с итальянскими портовыми городами, Ф. Бродель объясняет изгнанием евреев, а также давлением арагонских властей [Бродель (2002), с. 191].

Испанская история изгнания евреев наиболее известна, однако следует заметить, что на протяжении XV века их депортировали из многих городов Германии и Италии [Джонсон (2001), с. 265]. Таким образом, проблемы с собственностью и безопасностью предпринимателей широко распространялись по Европе.

Но наиболее массовыми оказались идеологические кампании XVI столетия. Реформация создала возможность изъятия монастырского имущества, чем широко воспользовались в протестантских странах.

Одной из самых жестких была экспроприация, осуществленная в Англии Генрихом VIII Тюдором, что важно подчеркнуть из-за живучести мифа о древних корнях правового общества в Великобритании. Поначалу церкви удалось откупиться от королевской власти, уплатив единовременный налог в размере 118 тыс. фунтов. Однако это лишь разожгло аппетит Генриха. Через пару лет он «прихватизировал» финансовые потоки, перенаправив десятину в собственную казну. А в 1539 г. король уже непосредственно «прихватизировал» собственность.

Изъяты были все монастырские владения. Доходы с земель, приносящих 132 тыс. фунтов годового дохода, пополнили казну. Имущество продавалось с торгов или использовалось для вознаграждения сторонников монарха. В сундуки Генриха отправилось приблизительно 75 тыс. фунтов, вырученных от продажи золотой и серебряной утвари, меди и других ценных предметов.

Как часто бывает в подобных случаях, «прихватизация» губила то, что не могла поглотить. Монастырские строения, находившиеся в городах, представляли собой реальную ценность и уходили на торгах за большие деньги. А ту недвижимость, которая располагалась в глубинке, порой вооб-

ще невозможно было продать ни за какую сумму. Процветавшие ранее аббатства превращались в руины [Морган (2008), с. 262–263; Чедвик (2011), с. 103, 108–114;].

Репрессии продолжались даже в XVII веке. Лицо, подозреваемое в католичестве, должно было причащаться под угрозой высокого штрафа, а если виновный богат, то вместо штрафа корона могла взять две трети его земель [Савин (2000), с. 173].

Революционные города Швейцарии тоже упраздняли монастыри и конфисковывали их собственность. Подобным же образом поступали и некоторые германские правители [Чедвик (2011), с. 107]. Ну а в тех государствах, где побеждали католики, конфискации, в свою очередь, наносили удар по протестантам, среди которых было много успешных предпринимателей.

Третьей важнейшей причиной незащищенности собственности становился произвол разного рода денежных изъятий со стороны сеньоров в отношении быстро развивающихся городов.

Формально подобная деятельность напоминает налогообложение. Однако в основе своей средневековые поборы носили принципиально иной характер. Налог модернизированного общества взимается в соответствии с законом по определенной ставке. В отношениях же средневековых сеньоров с подвластными им городами возникали коллизии, вызванные желанием власти захватить побольше, как только появляется подобная возможность. Конечно, здесь не могло быть абсолютного волюнтаризма, поскольку традиция сдерживала аппетиты сеньоров. Но даже величину традиционных повинностей можно было трактовать по-разному.

Бюргеры Амьена должны были платить при въезде с товаром в город и отчислять налог с каждой сделки. Взвешивать продукцию разрешалось лишь на весах сеньора (естественно, за плату), а если торговля осуществлялась в лавках, принадлежавших феодалу, то взималась еще и арендная плата. При строительстве собственного дома, торговых или складских помещений бюргер снова раскошеливался. И даже в тех случаях, когда событие вообще не имело к нему отношения, горожанин доставал деньги из кармана. К примеру, когда дочь сеньора выходила замуж или когда его сын вступал в рыцарский чин [Смирнов (2012), с. 20–21].

Степень самостоятельности городов и, соответственно, масштабы произвола, допускавшегося сеньорами в отношении бюргеров, чрезвычайно сильно дифференцировались. Как справедливо отметил Алексей Дживелегов, самостоятельность «находится в обратной зависимости от того, насколько страна успела выработать сильную государственную власть» [Дживелегов (2002), с. 76]. В Италии, где коммунальные революции принесли реальные плоды, возможности стабильного развития оказались заметно выше. В Германии положение городов было сравнительно приемлемым.

А вот на севере Франции и особенно в Англии давление на бюргеров оказалось чрезвычайно сильным. Правда, и там масштаб проблем различался в зависимости от того, как складывались конкретные отношения между сеньором и верховной властью. Если они враждовали, город мог балансировать между двумя силами, отстаивая тем или иным образом свои права.

Но как только купец оказывался на «чужой территории», он неизбежно должен был раскошелиться. Ключевые торговые пути контролировались местными сеньорами, устанавливавшими таможи, на которых взимались пошлины за проезд. На Рейне, к примеру, было 64 заставы, на Эльбе — 35, на Дунае — 77 [Кулишер (1926), с. 198]. Стремление феодала ошипать бизнес подобным образом можно назвать рентоориентированным поведением. Его следы и по сей день сохранились в рейнской долине, а также в долинах рек Адидже и Инна, где можно видеть остатки большого числа замков, контролировавших местность в средние века.

Иногда власть накидывала удавку на шею бизнесу, а иногда деловые люди сами залезали в ловушку, ища способы получить максимально возможные доходы.

Четвертая причина незащищенности собственности была связана с тем, что средневековые банкиры стремились кредитовать монархов и других влиятельных людей ради крупного вознаграждения. Однако, занимаясь подобной деятельностью, они оказывались перед угрозой дефолта. Если монарх становился неплатежеспособным, его, естественно, нельзя было отправить в тюрьму, лишить земель или дворцов. Правовая система могла защитить собственника в отношениях с равным по статусу. Но короли не отвечали ни властью, ни имуществом по требованиям кредиторов.

В итоге дело заканчивалось банкротством предпринимателя, неосмотрительно вложившего свои деньги в столь рискованный бизнес. По этой причине прекратил свое существование целый ряд крупных капиталов средневековья.

В частности, из-за банкротства таких влиятельных домов, как Барди, Перуцци и Аччайуолли, в середине XIV века фактически произошла полная смена структуры собственности во Флоренции. Эдуард III Английский, готовясь к началу Столетней войны, должен был влезть в крупные долги. Кредит ему предоставили эти три флорентийских дома, оговорив право распоряжения королевскими финансами. По словам одного современника, английские займы стоили целого королевства, а, кроме того, флорентийцы кредитовали еще Анжуйскую династию, пытавшуюся бороться за Сицилию с Арагоном.

В конечном счете Эдуард расплатиться не смог, поскольку война оказалась предприятием, неспособным принести выгоду в краткосрочной перспективе. Более того, по мере возрастания нужды в деньгах он шантажировал итальянцев, требуя от них новых кредитов под угрозой конфискации

всего имущества. Перуцци и Аччайуолли лопнули в 1343 г., Барди — в 1346 г. [Гуковский (1990), с. 42, 226–232; Клулас (2007), с. 21; Стратерн (2010), с. 27]. Примерно в это же время обанкротились компании, кредитовавшие подготовку к войне французской короны [Ле Гофф (2010), с. 113]. Эти события открыли путь к формированию новых банковских домов во Флоренции — в первую очередь дому Медичи.

После 1380 г. потерпели банкротство ведущие барселонские кредиторы, неосторожно предоставлявшие деньги королям Арагона [Делюмо (2006), с. 239]. Но по-настоящему разрушительное воздействие на европейскую экономику оказало банкротство испанской короны в XVI веке, которое коренным образом подорвало финансовую империю Фуггеров. С определенного момента сей аугсбургский дом стал делать свой бизнес в основном на кредитовании Габсбургов, привлекая для этого огромные средства, находившиеся в распоряжении кардинала Мельхиора фон Мекау, в том числе деньги Святого престола. Банкирская деятельность приносила огромные доходы, поскольку обеспечивалась не только возможностью эксплуатации серебряных рудников Европы, но и поставками драгоценных металлов из американских колоний Испании. В последние годы своей жизни Якоб Фуггер Богатый получал в среднем 15,7 % годовых [Nette (2009), p. 26, 35, 41]. Но рано или поздно подобная деловая удача должна была кончиться.

Карл V, а затем Филипп II использовали деньги для наращивания армейской мощи, однако, как и в случае со Столетней войной, инвестиции не окупились. Уже к середине 40-х гг. XVI века «Фуггеры, — по словам одного современника, — утомились от имперских займов; они увязли уже так глубоко, что им приходилось подолгу ждать возвращения своих денег» [цит. по: Арриги (2006), с. 178].

Аугсбургские банкиры попали в ловушку. Нельзя было не кредитовать монархов, поскольку это могло вызвать гнев повелителей. Но наращивание кредитования снижало шансы на возврат денег. И более того — ввергало Фуггеров в долги, поскольку для изыскания средств им приходилось брать займы на антверпенском финансовом рынке, распространяя свои облигации — так называемые *Fuggerbriefe* [Бродель (2004), с. 63; Делюмо (2006), с. 262].

В 1557 г. Филипп прекратил платежи и лишь через пять лет после дефолта заключил с Фуггерами договор о реструктуризации долга, в соответствии с которым доходность бизнеса аугсбургских банкиров резко снизилась. Теперь они просто получали ренту в размере 5 % годовых и в лучшем для себя случае могли продать испанские бумаги (хурос) по резко снизившемуся курсу [Бродель (2004), с. 78–79].

В 1575 г. произошло второе государственное банкротство Испании, а в 1607 г. — третье. Теперь уже Фуггеры понесли прямые убытки на сумму

более 3 млн дукатов, что привело фактически к гибели этой финансовой империи. Вместе с Фуггерами к упадку стал клониться весь аугсбургский бизнес. С 1556 по 1584 г. на грани разорения оказалось не менее 70 фирм. В 1614 г. потерпел банкротство дом Вельзеров — второй по мощи после Фуггеров [Норден (1978), с. 162–164; Арриги (2006), с. 176–178; Кеймен (2007), с. 222; Негге (2009), р. 104–106].

Банкротство испанской короны нанесло мощный удар по европейской экономике, поскольку пострадали кредиторы, приобретающие бумаги в Антверпене. А те, кто не пострадал от неплатежеспособности Габсбургов (например, лионцы), пострадали от банкротства Франции, случившегося в 1558 г. [Делюмо (2006), с. 265].

Пятой причиной незащищенности собственника являлись злоупотребления с деньгами. Короли, нуждающиеся в пополнении своих бюджетов, занимались так называемой порчей монеты. Формально деньги оставались полноценными — золотыми или серебряными, но весовое содержание благородных металлов в монетах постепенно снижалось. Монархи переплавляли старые деньги и из того же количества золота чеканили большее число новых. «В некоторых местностях при помощи такого приема происходило систематическое разорение всех денежных людей. Общее улучшение в этом смысле наступило лишь тогда, когда города сделались достаточно сильны, чтобы реагировать против этого, чтобы принудить территориальных владетелей отказаться от этого злоупотребления. Самым радикальным средством, какое они могли употребить в этом случае, было взять право чеканить монету в свои руки» [фон Белов (2012), с. 97].

Впрочем, по другим оценкам, и это не помогало. Например, кельнский динарий ежегодно терял некоторую часть своей стоимости [Кулишер (1926), с. 229].

Во Франции подделка монеты активизировалась при Филиппе Красивом [Смирнов (2012), с. 97]. В дальнейшем финансы стабилизировались, но даже во времена религиозных войн среди наказов депутатам Генеральных штатов в Блуа мы находим требование устранить монетарную нестабильность [Констан (2005), с. 208].

В Кастилии в XIV–XV веках монета обесценилась на 65 %, что привело к массовым народным восстаниям [Ле Гофф (2010), с. 122–123]. В Англии в XVI веке злоупотреблял фальсификацией Генрих VIII, которому даже конфискации монастырского имущества не помогли свести концы с концами в бюджете. За 10 лет (1541–1551 гг.) порча монеты привела к уменьшению серебра в ней с 93 до 33 %. В итоге подобных манипуляций «выпускаемые короной деньги перестали приниматься в качестве средства платежа и обмена» [Арриги (2006), с. 253].

Шестая причина незащищенности собственника — цеховые регламентации, накладывавшие ограничения на свободу ведения бизнеса в городах. Систему таких регламентаций проанализировал М. Вебер. Он показал, в частности, что цеха контролировали качество товаров, регулировали получение сырья и применяемые технологии, устанавливали количество учеников и рабочих, а иногда даже регламентировали предельное число мастеров (хотя чаще просто требовали от кандидата на это звание изготовить шедевр). Все это делалось потому, что цеха стремились выровнять доход производителей, а следовательно, ограничивали свободу конкуренции [Вебер (2001), с. 140–143]. На тот же случай, если конкуренцию пытались развернуть за воротами города, действовала так называемая заповедная миля — запрет производства в пределах, на которые муниципальные власти могли простирать свои руки [Дживелегов (1904), с. 111].

Цеховая система неравномерно распространялась по Европе. Скажем, на севере Франции она была менее жесткой, чем в Германии. А на юге Франции система вообще не сложилась [Манфред и др. (1972), с. 83]. Впрочем, отсутствие цехов часто означало лишь то, что городские власти сами брали на себя регулирование бизнеса, как было, например, в Тулузе [Стам (1969), с. 202–204]. Словом, в любом случае производство сковывалось регулирующими нормами.

Точно так же обстояло дело за пределами городов. Никакой свободной конкуренции не было. Богатство торговых центров, находившихся на магистральных путях, в значительной степени строилось на так называемом штапельном праве, т. е. праве останавливать проезжавшие суда, заставлять их разгружать товары и выставлять на продажу. При этом иностранным купцам часто запрещалось торговать между собой, а также продавать товары в розницу, что формировало своеобразную нишу для местных торговцев. Они приобретали продукцию и везли ее дальше — до того места, где очередной город создавал привилегии своим бюргерам. Каждый стремился извлечь максимальные преимущества из монополии географического местоположения. Одним из самых ярких примеров города, поднявшегося на штапельном праве, является Кёльн, перегораживавший прямо на середине движение по Рейну — главной водной артерии Европы [Кулишер (1926), 176, 181–182].

Крупными коммерческими организациями ведение бизнеса так же жестко регулировалось, как и городами. Например, в компании английских купцов-авантюристов, для того чтобы получить право заниматься экспортом сукна, надо было 8 лет пробыть учеником. Только после этого купец получал право вывезти 100 кусков. Затем в течение 15 лет он медленно увеличивал квоту, пока не достигал планки — 1000 кусков в год. Дальнейшее расширение торговли запрещалось. Не имели значения ни размер капитала, ни купеческий стаж [Маркова (2011), с. 45–49].

Другой пример регулирования — история, случившаяся в 1356 г. с Бременом. Один из купцов, проживавших в этом городе, нарушил временно установленный Ганзой запрет на торговлю с Фландрией. От бременского муниципалитета потребовали наказать виновного, но тот отказался. Тогда Ганза наказала город. Препятствия к торговле оказались столь велики, что, по свидетельству современника, Бремен на 30 лет постигли голод и разорение, а улицы заросли травой. Похожая история случилась и с Брюнсвиком, хотя тот страдал лишь 6 лет [Zimmer (1889), p. 83].

Словом, как сможет предприниматель распорядиться своими ресурсами, решал не только он сам. Контроль оставался за обществом, которое было скорее заинтересовано в сохранении традиции и минимизации внутригородских конфликтов, нежели в быстром экономическом росте. Не случайно в период английской промышленной революции, когда этот рост наконец возник, динамичные производства сформировались за пределами старых торгово-ремесленных центров.

Цеховое регулирование дополнялось муниципальным или государственным. Правда, если цех, ограничивал свободу предпринимательства, стремясь не допустить падения цен, то власть делала то же самое с целью предотвратить их рост.

Так, например, на рейхстаге, проходившем в Трире и Кёльне в 1512 г., было решено запретить торговым компаниям ведение любых закупок, взвинчивающих цены [Норден (1978), с. 105–106]. Впрочем, на деле эта регламентация не функционировала из-за того, что у императора Карла V была другая точка зрения. Его удовлетворяли цены, взвинчиваемые Фуггерами, поскольку за счет своих быстро увеличивавшихся доходов те могли кредитовать корону [Herre (2009), p. 69–72].

Особой сферой регламентации была хлебная торговля. Здесь регулирование в борьбе против барышничества достигало максимальной жесткости, стремясь предотвратить угрозу благосостоянию широких слоев населения. В частности, в германских городах строгому наказанию подвергались спекулянты, перекупавшие товары за городскими воротами, и те, кто, приобретал большие партии непосредственно на рынке. Город защищал рядового бюргера, предоставляя ему возможность запастись всем необходимым по умеренным ценам. Относительно зернового хлеба и убойного скота часто встречалось требование, чтобы торговцы кроме как для собственного потребления ничего не покупали в течение положенных рыночных часов. Только если после официального закрытия рынка что-то еще оставалось, это можно было приобретать для продажи [фон Белов (2012), с. 101].

В Венеции регулярно вводились ограничения вывоза хлеба за пределы лагуны. Дож лично контролировал запас зерна на складах города. В Неаполе

этим занимался вице-король, в Рагузе — ректоры республики [Бродель (2002), с. 450–451].

Во Франции регламентация хлебной торговли восходила к своду обычаев 1283 г. и к эдиктам Филиппа IV 1304–1305 гг. Применялись порой даже совершенно курьезные методы давления на цены. Например, ордонанс 1577 г. требовал, чтобы землевладелец сам лично являлся на рынок для торговли, а не посылал своего представителя. Власть надеялась, что, теряя время и подвергаясь всем неудобствам проживания в городе, продавец будет склонен быстрее распродавать свой хлеб даже по невыгодным ценам [Афанасьев (1892), с. 1, 23].

В Англии продовольственные цены были регламентированы несколько позже, чем во Франции. Их определил “Statute of labourers” 1349 г., где, помимо прочего, определялась заработная плата. Возможно, этот документ выражал собой средневековую идею о том, что цены должны определяться не конкуренцией, а быть «справедливыми» [Тойнби (2011), с. 145–146]. Теория такой «справедливой цены», не зависящей от спроса и предложения, была разработана Генрихом Сузанским и пользовалась большой популярностью [Ле Гофф (2010), с. 106].

Словом, хлебная торговля по всей Европе — это бизнес, в котором права продавца жестко ограничены. «Все государства вмешиваются в этот процесс, — отмечал Фернан Бродель, — даже самые маленькие, даже герцог Савойский, даже трансильванский князь» [Бродель (2003), с. 333].

А в дополнение к продовольственной торговле регулируется и все, что с ней связано, — например «прошлогодний снег». В жарком Мадриде муниципалитет монополизировал оптовые поставки снега, который зимой привозили из Сьерры, хранили до лета и затем продавали желающим охладиться горожанам исключительно по фиксированным ценам [Дефурно (2004), с. 85].

Седьмой причиной незащищенности собственника являлось неправомерно предпринимателя в использовании своих денег. Церковь сурово осуждала ростовщичество, считая грехами алчность кредитора, нарушение им принципа справедливости, а также то, что он, требуя с заемщика процент, получает, таким образом, прибыль «за время», которое, вообще-то, принадлежит только богу. Неблагодарно относилась церковь и к плате за риск, без которой трудно осуществлять страхование, столь важное для предпринимателей, инвестировавших деньги в опасные морские перевозки [Делюмо (2006), с. 233–236; Ле Гофф (2010), с. 83–99].

И наконец, восьмой причиной незащищенности собственника являлась проблема, земли. Формально она, наверное, не столь уж серьезно влияла на развитие городской экономики, поскольку касалась сельского хозяйства. Но в той мере, в какой аграрный сектор снабжал город сырьем и продовольствием, отношения между крестьянином и феодалом становились

чрезвычайно важными. В частности, растущая потребность европейской экономики в английской шерсти способствовала тому, что огораживание общинных земель разрубило гордиев узел, связывающий сеньора с крестьянином. Первый выиграл, второй проиграл, и быстрый рост производства продемонстрировал, насколько старые отношения собственности сковывали развитие экономики.

Все вышеотмеченные причины в совокупности обуславливали то, что любое развитие предпринимательства в Европе Средних веков и раннего Нового времени было выгодно лишь до определенного предела. Эффективно функционирующие купеческие семьи насчитывали обычно два-три поколения, на что обратили внимание Анри Пиренн и Фернан Бродель [Бродель (1988), с. 482].

Сохранить капиталы на протяжении длительного времени было невозможно. Поэтому каждый, кто разбогател, начинал инвестировать деньги в землю, в титулы, в бюрократические посты. К примеру, Флоренция — важнейший символ предпринимательской активности — закончила тем, что Медичи стали герцогами, а ведущие капиталисты (Корсини, Джерини, Торриджани) вложили свои накопления в сельское хозяйство [Бродель (2003), с. 536]. Венецианцы деньги, заработанные за морем, уже с XIV века инвестировали в землю [Гуковский (1990), с. 207]. Фуггеры, потеряв большую часть своего бизнеса, остались крупными землевладельцами германского юга и обладателями аристократических титулов [Herre (2009), p. 107–112]. Похожим образом обстояло дело и с ведущими купеческими семьями Нюрнберга, Констанца, Страсбурга [Кулишер (1926), с. 194].

Предпринимательство не стало самодостаточным механизмом. Оно оставалось лишь средством для того, чтобы бюргер мог стать знатным, приблизиться к рычагам власти, к влиянию на военно-политические процессы. Конечно, близость к власти не гарантировала сохранности собственности, но она давала на это большие шансы, чем ведение бизнеса, подверженного всем превратностям судьбы.

Рационализация жизни

В завершение доклада главы мы можем, наконец, подойти к ответу на вопрос о формах рационализации жизни общества, вытекающий из концепции Макса Вебера. Думается, что медленное, постепенное движение к рационализации неизбежно определялось теми изменениями, которые происходили в Европе.

Во-первых, укрупнение масштабов бизнеса в Италии привело к появлению первых форм объединения капиталов с помощью паев, таких как *com-*

menda (colleganza) и compagna [Norwich (2003), p. 156; Делюмо (2006), с. 251–255]. То же самое имело место в Германии, южной Франции, Скандинавии [Кулишер (1926), с. 215–216]. Это позволило подключить к деловой жизни «неделовые» сословия.

Традиционно сложившееся в Средние века положение вещей ставило рыцарей и торговцев по «разные стороны баррикад». Феодалы, контролировавшие дорожную сеть, в значительной степени кормились за счет купцов, взимая с них таможенные пошлины или подвергая откровенному грабежу. Чтобы пресечь подобную практику, резко усилившееся итальянское бюргерство заставило хозяев замков переселиться в города. И тут выяснилось, что у двух этих сословий есть объективная база для сотрудничества. Венецианские и генуэзские торговцы, в частности, нуждались в капитале для расширения масштабов операций в Леванте, тогда как феодалы обладали свободными средствами, полученными в виде доходов от сельского хозяйства. Чтобы компенсировать «выпадавшие из бюджета» поступления от грабежа, знать стала инвестировать деньги в торговлю. Подобная практика полностью меняла сложившуюся традицию, согласно которой дворяне должны были зарабатывать деньги мечом, причем обязательно в жестком противостоянии с бюргерами. Новые обстоятельства жизни стимулировали возникновение рациональных норм поведения вместо традиционных.

Во-вторых, объективная необходимость ведения бизнеса в различных странах стимулировала появление векселя, широко распространившегося уже в XIII веке по всей южной Европе [Кулишер (1926), с. 232–235; Делюмо (2006), 241–242].

Традиционное мышление предполагало, что свой товар нельзя отдавать за какие-то бумажки — только за полноценные деньги. Однако транспортировка золотых и серебряных монет, скажем, из Венеции в Брюгге или из Лондона на шампанскую ярмарку было по тем временам делом небезопасным. Проблема была решена при появлении солидных финансистов, имевших бизнес одновременно в Италии, Фландрии, Шампани, Лондоне и отвечавших по своим обязательствам. В итоге под давлением рациональных решений традиционная практика стала отступать. Фламандский торговец шерстью мог, скажем, отдать ее во Флоренции за долговую расписку финансиста и получить по этому векселю золотые монеты в родном Генте из рук представителя флорентийских банкиров. А итальянский купец, входящий в цех Калимала, напротив, брал вексель на севере за проданные там окрашенные ткани и обращал его в золото на Mercato Vecchio во Флоренции.

В-третьих, потребность в ведении финансовых операций заставила людей средневековья сменить постепенно традиционные христианские представления о недопустимости ростовщичества.

Хотя церковь угрожала отправить в ад предпринимателей, дающих деньги в рост, банковская деятельность все равно энергично развивалась. Чтобы смягчить разногласия бизнеса и религии, ссудный процент часто маскировался под участие в прибылях совместного предприятия или под маржу, образовавшуюся вследствие курсовой разницы при обмене монет. Иногда в договоре кредитования специально устанавливались нереальные сроки возврата долга, и в итоге формально выходило так, что кредитор брал с заемщика не процент, а компенсацию за просрочку, которую допускал даже сам Фома Аквинский [Кулишер (1926), с. 247–249].

Рациональное ведение бизнеса требовало кредитования, и отцам церкви ничего не оставалось, как постепенно трансформировать традиционно сложившееся учение. Причем, надо сказать, что они тоже действовали исключительно рационально, поскольку от денежной поддержки банкиров в значительной степени зависело финансовое благополучие Святого престола, а также епископств и монастырей. Так, например, большую роль в трансформации учения церкви сыграл Антонин Флорентийский, который был настоятелем монастыря Сан-Марко, а затем и архиепископом в своем родном городе [де Лобье (2000), с. 61]. И так «случайно» вышло, что именно в те годы, на которые приходилась деятельность Антонина, банкир Козимо Медичи тратил огромные суммы на строительство собора Санта-Мария дель Фьоре и на реставрацию Сан-Марко [Стратерн (2010), с. 134, 142]. Понятно, что без банкирских доходов церковь не смогла бы профинансировать масштабные работы. Словом, она вела себя столь же рационально, как и бизнес.

Наконец, в-четвертых, на смену традиционному семейному предпринимательству приходила рационально организованная крупная фирма.

Такая фирма обладала сетью филиалов и основывала свою деятельность на специально выработанных для этой цели бухгалтерских методах, позволявших контролировать труд наемных работников, вращающих огромные суммы вдали от хозяйского глаза. Отдавать деньги и бизнес в чужие руки было, бесспорно, делом непривычным. Однако если масштаб растущих операций превышал число хозяйских сыновей, пригодных для дела, владельцу фирмы не оставалось ничего иного, кроме как принять рациональное решение о вовлечении в свой бизнес сторонних лиц — сначала ближних и дальних родственников, а после — толковых молодых людей, вообще не связанных кровными узами с семьей.

Все эти трансформации в совокупности качественным образом меняли жизнь Европы, несмотря на сохраняющуюся проблему незащищенности собственности. В отличие от консервативной деревни, склонной действовать преимущественно в соответствии с традицией, город становился очагом распространения всего нового [Гайдар (2005), с. 232–233]. Рационализация деловых практик и образа жизни в целом повлияла на устройство

военного дела и государства, на формирование научных представлений о мире. В конечном счете рациональный подход к принятию решений обусловил модернизацию, хотя для того, чтобы прийти к этому, Европе потребовалось пройти еще достаточно долгий путь.

Литература

Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. М.: Молодая гвардия, 2004.

Аракчеев В.А. Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков: Псковская областная типография, 2004.

Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

Афанасьев Г.Е. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, тип.-лит. В. Кирхнера, 1892.

Бальхаус А. Любовь и секс в Средние века. М.: Книжный клуб 36.6, 2012.

Бартлетт Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350. М.: РОССПЭН, 2007.

фон Белов Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Бек К. История Венеции. М.: Весь мир, 2002.

Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб.: Типография Безобразова и компании, 1879.

Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1986.

Бродель Ф. Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1988.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 3: События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М.: Центрполиграф, 2010.

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 1996.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006.

Васильев Л.С. Всеобщая история. Т. 2: Восток и Запад в Средние века. М.: Высшая школа, 2007.

Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001.

Вис Э.В. Фридрих II Гогенштауфен. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Власов А.С., Элькин Г.Н. Древнерусские города Северо-Запада. СПб.: Паритет, 2011.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007.

Гольман Л.И., ред. История Ирландии. М.: Мысль, 1980.

Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М.: Альфа-книга, 2008.

Гриффиثс Р., Томас Р. Становление династии Тюдоров. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Гуковский М.А. Итальянское возрождение. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990.

Гуревич А.Я., Кан А.С., Роздорожный И.П., Рогинский В.В., ред. История Норвегии. М.: Наука, 1980.

Даймонд Д. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2010.

Данн Р. Эпоха религиозных войн. 1559–1689. М.: Центрполиграф, 2011.

Делюмо Ж. Цивилизация возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.

Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. М.: Молодая гвардия, 2004.

Дживелегов А.К. Торговля на Западе в Средние века. СПб.: Брокгауз–Эфрон, 1904.

Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. М.: Книжная находка, 2002.

Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2001.

Дубнов С.М. Учебник еврейской истории для школы и самообразования. Ч. III. Средние века и новое время в Европе. СПб.: Типография «Общественная польза», 1911.

Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава: ПВН, 1995.

Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1: Генезис капитализма. М.: Издание С. Скармунти, 1904.

Зомбарт В. Евреи и их участие в образовании современного хозяйства. СПб., 1910.

Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Наука, 1994.

Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М.: РОСПЭН, 2001.

Каратини Р. Катары. М.: Эксмо, 2010.

Кафенгауз Б.Б. Древний Псков (очерки по истории феодальной республики). М.: Наука, 1969.

Кеймен Г. Испания: дорога к империи. М.: АСТ, 2007.

Кёнигсбергер Г. Европа раннего нового времени: 1500–1789. М.: Весь мир, 2006.

Кларк Г. Прощай нищета. Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки. А/О «Отава», 1995.

Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. М.: Молодая гвардия, 2006.

Клулас И. Лоренцо Великолепный. М.: Молодая гвардия, 2007.

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2: Курс русской истории. Ч. 2. М.: Мысль, 1988.

де Коммин Ф. Мемуары. М.: Наука, 1986.

Констан Ж.М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. М., Молодая гвардия, 2005.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь Мир, 2002.

Коцюбинский Д.А., Малинин Ю.П. Феномен капитализма и проблема его становления // Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. Сыктывкар: Сыктывкарский педагогический университет, 1994.

Кулих Я. Кутна Гора. Либице-над-Цидлиноу: ГЛЮРИЕТ, б.г.

Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Т. 1. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.

Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, Социум, 2008.

Лавис Э. Очерки по истории Пруссии. М.: Едиториал УРСС, 2011.

Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН, 2007.

Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Alexandria, 2007.

Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010.

Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610. М.: Международные отношения, 2004.

Ли Г.Ч. Инквизиция // Бемер Г. Иезуиты. Ли Г.Ч. Инквизиция. СПб., Полигон, 1999.

де Лобье П. Три града. Социальное учение христианства. СПб.: Алетейя, 2000.

Люшер А. Французское общество времен Филиппа Августа. СПб.: Евразия, 1999.

Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб.: Евразия, 2000.

Макьявелли Н. История Флоренции. М.: Наука, 1987.

Манфред А.З., Далин В.М., Загладин В.В., Павлова С.Н., Сказкин С.Д., ред. История Франции. Т. 1. М.: Наука, 1972.

Маркаль Ж. Жизор и загадка тамплиеров. СПб.: Евразия, 2008.

Маркова С.П. Английские купцы-авантюристы. СПб.: Алетейя, 2011.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1978.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3, кн. 3: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. М.: Политиздат, 1975.

Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: МГУ, 1996.

Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Александрия, 2009.

Морган К., ред. История Великобритании. М.: Весь мир, 2008.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Норден А. Некоронованные властители. М.: Прогресс, 1978.

Оке Ж.-К. Средневековая Венеция. М.: Вече, 2006.

Оль Ф. Фридрих Барбаросса. СПб.: Евразия, 2010.

- Осборн Р.* Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2008.
- Перес Ж.* Изабелла католичка. Образец для христианского мира? СПб.: Евразия, 2012.
- Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. СПб.: Евразия, 2001.
- Покровский М.Н.* Очерк истории русской культуры. Экономический строй: от первобытного хозяйства до промышленного капитализма. Государственный строй: обзор развития права и учреждений. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- Пронштейн А.П.* Великий Новгород в XVI веке (очерки социально-экономической и политической истории русского города). Харьков: Издательство Харьковского государственного университета им. Горького, 1957.
- Ранн Ф.* Священная Римская империя германской нации. СПб.: Евразия, 2009.
- Рюка А.* Средневековая Испания. М.: Вече, 2006.
- Рутенбург В.И.* Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. Очерки. Л.: Наука, 1987.
- Савин А.Н.* Лекции по истории Английской революции. М.: Крафт+, 2000.
- Сказкин С.Д., Котельникова Л.А., Рутенбург В.И.,* ред. История Италии. Т. 1. М.: Наука, 1970.
- Скаллини М.* Интернациональная готика: от Орканьи до Гиберти // Флоренция. М.: Слово, 2005.
- Смирнов А.И.* Коммуна средневековой Франции в связи с политическим ростом третьего сословия. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1969.
- Стратерн П.* Медичи. Крестные отцы Ренессанса. М.: АСТ, 2010.
- Тойнби А.* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М.: Весь мир, 2004.
- Тьерри О.* Городские коммуны во Франции в средние века. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.
- Флекенштейн Й., Бульст-Тиле М.Л., Йордан К.* Священная Римская империя. Эпоха становления. СПб.: Евразия, 2008.
- Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси: 750 — 1200. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М.: Издательство АН СССР, 1963.
- Чедвик О.* Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII вв. М.: Центрополиграф, 2011.
- Шерр И.* Германия. История цивилизации за 2000 лет. Т. 1. Минск: МФЦП, 2005.

Эрс Ж. Повседневная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи. 1420–1520. М.: Молодая гвардия, 2007.

Douglas L. A History of Siena. Betti Editrice, 2000.

Goldthwaite R.A. The Economy of Renaissance Florence. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009.

Griep H.-G. Goslar Guide. Goslar: Verlagshadach, 2010.

Herre F. The Life and Times of the Fuggers. Augsburg: Wisner Verlag, 2009.

Norwich J.J. A History of Venice. London: Penguin Books, 2003.

Parks T. Medici Money. Banking, Metaphysics, and Art in Fifteenth-Century Florence. London: Profile Books Ltd, 2006.

Zimmern H. The Hansa Towns. London: T. Fisher Unwin, 1889.

Дмитрий Травин

У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад второй)

Препринт М-31/13

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 21.03.13
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышение квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**